

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир
СВЕРЖИН

СТРАЖ
КАМЕННЫХ
БОГОВ

Владимир Сержин

Страж Каменных Богов

Серия «Трактир «Разбитые надежды»», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10291824
Страж Каменных Богов : [фантастический роман] / Владимир Сержин. : Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-80969-1

Аннотация

Масштабная катастрофа, унесшая жизни миллиардов людей, осталась в памяти разрозненных племен как Тот День. Отныне сохранившие человеческий облик вынуждены ежедневно сражаться с ордами мутантов, постепенно уступая им Землю. Только вера в спасение, которое должно прийти с Луны, где много лет назад легендарный Эдуард Ноллан построил Город Света, поддерживает надежду в сердцах опытных бойцов, таких как Леа и Миха. «Близится Эра Светлых Годов...» – поется в древней боевой песне. И путь Верных прям, какими бы дебрями они ни шли, каким бы опасностям ни подвергались! Ноллан всегда на стороне правых! Что тут непонятного?..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	55
Глава 5	71
Глава 6	85
Глава 7	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Владимир Свержин

Страж Каменных Богов

© Свержин В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

Школьный класс занимал часть глинобитной мазанки посреди селения, примостившегося в предгорье Лесистого Хребта. Горстка мальчишек разного возраста, все, кого удалось собрать в окрестностях, слушали, замерев, голос учителя, боясь пропустить хоть слово.

– ...В ту пору существовали огромные поселения, их называли городами, а те, которые еще больше, – мегаполисами.

– Как наш Бунк? – не удержался тогда от вопроса Леха (далеко еще было до дня обретения им своего истинного, глубинного имени Лешага).

– Нет, что ты, – покачал головой учитель и внушительно поднял к потолку указательный палец: – Значительно больше!

– Как это может быть? Ведь если всех, кто живет в Бунке и вокруг, поставить в линию, то и конца ей не будет видно!

Верный друг Миха незаметно дернул его за рукав, мол, замолкни и не мешай слушать. Но, похоже, вопрос вовсе не рассердил учителя. Тот одобритительно кивнул любознательному мальчугану и продолжил, расхаживая по классу:

– В некоторых мегаполисах, как рассказывают долгожители, одновременно проживало больше людей, чем теперь на всей планете!

От дальней стены к учительскому столу волной прокатил-

ся недоверчивый шепот. Виданное ли дело – столько народу в одном селении?! Это же никакой реки не хватит напоить такую ораву! А дичь? В каком лесу столько наберется? И сколько места должны были занимать их рыбные садки и огороды?!

– Большая часть их погибла в Тот День, – продолжил наставник, делая вид, что не слышит шушуканья огорошенных учеников. – Ну-ка, кто мне ответит, почему началась катастрофа?

Один из учеников постарше поднял руку и, дождавшись благосклонного кивка, вскочил и затараторил:

– Пока Эдвард Ноллан строил Город Света на Луне, его враги коварно захватили власть во многих странах Земли. Они хотели уничтожить всех живущих на планете, но Эдвард Ноллан спас тех, кто верил в него, и обронил зерно надежды, чтобы выжившие тоже могли уверовать. И теперь он взирает с небес, наблюдая, не проросли ли в наших душах сорняки грязной скверны, не желаем ли мы, спасенные милостью его, продолжения и повторения Того Дня. И когда закончится испытание, он сойдет с небес на земную твердь, чтобы объявить начало Эры Светлых Годов. Ведь сказано в давней священной песне: «Близится Эра Светлых Годов», и нам следует всегда быть готовыми принять ее всем сердцем!

– Правильно, хорошо выучил, – удовлетворенно кивнул наставник юношества. – От каждого из вас зависит сделать

будущую жизнь лучше и правильнее. А для этого вы должны противостоять вражеским козням и поступать согласно заветам... — Он протянул к классу руку ладонью вверх, призывая продолжить:

— ...Эдварда Ноллана! — нестройным хором отозвались подростки, и Леха с Михой присоединили свои голоса к общему радостному гомону.

Чего ж не радоваться? Мудрый всесильный Ноллан, спасший их отцов и дедов в тот роковой день, взирал на них с ночного светила, ожидая послушания и суля радости жизни, — разве это не прекрасно? И что с того, что зеленые дожди обжигают кожу, что где-то неподалеку обитают чудовища, настоящие исчадия бездны? Путь Верных прям, какими бы дебрями они ни шли, каким бы опасностям ни подвергались! Ноллан всегда на стороне правых! Что тут непонятного?!

И все же, все же... Леха не удержался и вечером, когда Старый Бирюк разрешил им наконец бросить увесистые булыжники, которые они с Михой, стоя на одной ноге, крутили запястьями, спросил наставника боя:

— Ты помнишь Тот День?

— Плохо. Я был младше, чем ты сейчас.

— Почему он произошел?

Немногословный обитатель хижины из жердей и шкур пожал плечами:

— Потому что убивать проще, чем создавать, а некоторые

находят в этом удовольствие.

– Но ты же как раз учишь убивать.

– Нет, я помогаю вам создать себя. С этого все только начинается.

Глава 1

Лешага до хруста сжал пальцы на рукояти ножа. Если бы это было вражеское горло, сейчас раздался бы предсмертный хрип. Но это было безответное оружие, оно послушно вливалось в руку, готовое защищать и нападать. Еще там, в предгорьях, Старый Бирюк отучил их с Михой злиться попусту. «Когда ты выходишь из себя, – говорил он, – враг поселяется в твоём сознании и творит там, что пожелает. Ты не добиваешься ничего, лишь слепо исполняешь его волю».

А сейчас и вовсе – на кого злиться? Он сам прозевал западню, доверился болтуну Сказителю, вот и влип. Так что злись только на себя.

– Они хотят смерти моего отца, – повторил сконфуженный Песнопевец. – И считают, что убить его должен именно ты.

Леха кивнул и отстранил этого жалкого Тиля. Верхним зрением он прекрасно видел затаившихся в засаде врагов.

Пожалуй, таким опытным воинам, как Лешага с Бурым, не составило бы труда вырваться из окружения и скрыться в чащобе. И горе тем, кто попробует напасть на след. Как говорил Старый Бирюк: «Следы неопасны, в отличие от их хозяев».

«Но вот Лил, Марат и уж подавно женщины, выведенные из-за Барьера, – что делать с ними? Они как гири на ногах!

Ладно, нет времени упиваться горечью ошибок. Нужно их исправлять, пока есть шанс. Лил можно унести, вариант испробованный, а Марат в бою уже чего-то, да стоит...»

Лешага тяжело вздохнул: «Нет, так нельзя». Он вдруг вспомнил услышанное где-то выражение «не по-людски». Кажется, его как-то в разговоре обронил чешуйчатый. Но вот сейчас Леха чувствовал, что оставить всех этих изможденных, незащитных бедолаг как раз и будет не по-людски.

– Кто твой отец, Тиль? Почему людоегои хотят его смерти?

– Я сын Шерхана, наместника Аттилы в горах, именуемых Крышей Мира, и за ними, до самого Южного Предела.

– Он что, тоже из этих? – Леха брезгливо сморщился и кивнул в темноту, туда, где поодаль от места стоянки таилась засада.

– Когда-то Аттила видел в нем своего преемника, – почти с гордостью ответил Тиль. – Потом я взял в свой дом женщину иной веры, и властитель правоверных в наказание отослал моего отца от себя, меня же и вовсе отдал на суд Эргеца. Как я уже сказал, у того в заложниках моя женщина и сын. Сейчас Аттила мертв, Эрgez захватил власть обманом и знает, что отец не пожелает склониться пред ним. Он не остановится перед тем, чтобы убить отца. Он пытался внушить, что верит мне и я как наследник сменю отца после его смерти. Но тот, кто поверит этому порождению коварства, обма-

нется.

Самозванец за Срединным Хребтом отлично понимает, что, если соперника убьет кто-то из его слуг, это ему ничего не даст: горы там высоки, перевалов немного, и они хорошо охраняются, так что перекрыть их легче легкого. А с гор на равнину нападать значительно проще, чем наоборот. Могучий Шерхан весьма почитаем народом... – Сын наместника запнулся под тяжелым взглядом Лешаги и тихо поправился: – Людожогами.

Леха молча кивнул: ситуация начинала принимать более или менее ясные очертания. Уничтожить одного из предводителей этих злобных тварей, после того что они творили в землях Дикого Поля, было для него делом чести. Но идти как лошадь в поводу – глупее не придумаешь: конечно, с Крыши Мира уйти им не дадут, не для того Эрgez эту каверзу задумал, чтобы выпустить их живыми. Значит, нужно перехитрить врага, заставить его поверить в марево, пусть уподобится щенку, который увлеченно ловит собственный хвост. Помнится, Учитель говорил: «Врагу до последнего вздоха должно казаться, что он побеждает. Тогда ему незачем будет мешать вам делать свое дело».

– Хорошо. – Лешага задумчиво кивнул. – Кто тут еще из ваших?

– Караванщик Тимур. Никакой он не торговец, он сотенный командир Несокрушимых, личной стражи Аттилы.

– Что ж, очень удачно.

– Удачно? – в недоумении переспросил Тиль. – Какая же это удача? Он зверь. Для него убить – высшее наслаждение!

– Он приведет нас к Эргезу, – отрезал Леха. – Вернее, приведет вражину к нам. А пока возвращайся на свое место и делай все точно, как я скажу.

Выслушав наставления бывшего стража, Тиль склонил голову и, стараясь двигаться бесшумно, направился к неостывшей еще лежанке. Ученик Старого Бирюка смотрел ему вслед, пытаясь ответить для себя на неотвязный, точно стрекочущая поблизости сорока, вопрос: можно ли доверять этому несчастному? В любом случае, как его учил Старый Бирюк, если ситуация складывается не в твою пользу, нет смысла встраиваться в нее – меняй ситуацию.

Тимур проснулся от толчка под ребра. Он всегда спал чутко, а здесь, среди врагов, так и вовсе. Однако шагов он не слышал. Лешага сидел перед ним на корточках, точно его принесло по воздуху.

– Вставай. Только очень тихо.

– Что такое? – встрепенулся «караванщик», принимая на себя ставшую уже привычной роль незадачливого торговца.

– Нас окружили.

– Что? – Вся его фигура выражала растерянность и ужас.

– Взяли в кольцо. Те, что были у селения. У людозогов тоже есть следопыты.

Лешага смотрел на него внимательно, точно прощупывая, и Тимур, пожалуй, напрягся бы, но, сколько он знал Светлого Рыцаря, тот всегда глядел исподлобья, словно подозревая каждого в злом умысле.

– Но как же...

– Патроны есть?

– Немного.

– Хорошо, будешь стрелять одиночными. Мы должны прорваться. Давай побыстрее, сейчас выступаем.

– А они? – Тимур, поднимаясь, кивнул в сторону хлопотавших возле костерка женщин. Те, похоже, и не думали готовиться к ускоренному маршу.

– Остаются здесь, – равнодушно бросил Лешага, перехватив уважительный взгляд караванщика. – За охрану мне платят. А им платить нечем. Вперед! – коротко скомандовал он и, не оборачиваясь, устремился в лесную чащу.

Тимур шел, привычно стараясь не хрустеть сухими ветками. Чуть впереди маячила фигура врага. Казалось, стоит вскинуть автомат, нажать на спуск – и с ним будет покончено. Но тот зачем-то был нужен мудрому ньок-тенгеру, нужен для великих дел, о которых ему и рассуждать не по чину.

Вдали по ходу их движения захлопали выстрелы: несколько одиночных и щедрая россыпь коротких очередей.

– Что это? – насторожился Тимур.

– Бурый расчищает дорогу, – буднично откликнулся Лешага. В этот миг выстрелы затрещали и позади. – Не останавливайся.

ливайся, – сухо бросил Леха, подгоняя спутника. – Это Лил с Маратом, они прикрывают наш отход.

Тимур вновь почтительно глянул на идущего рядом воина. Похоже, Эрgez, властитель правоверных, да удлинятся дни его и усладятся ночи, сделал правильный выбор – этот человек все делает быстро и обстоятельно. А главное, не знает жалости ни к своим, ни к чужим.

Они поднялись на небольшой пригорок. Отсюда хорошо был виден оставленный лагерь, тлевший костерок и выведенные из-за Периметра женщины, стремглав улепетывающие от близких уже преследователей.

– А где остальные? – встревоженно спросил Тимур.

– На местах. – Ученик Старого Бирюка ткнул пальцем в сторону, указывая караванщику его стрелковую позицию. – Твое место справа от дерева. Голову не высовывай, а то схлопочешь пулю.

Тимур постарался сделать то, что от него требовалось, неуклюже и медленно, как подобает новичку в ратном деле. Он прекрасно сознавал, что сейчас придется стрелять по своим. Но, с одной стороны, попадать вовсе не обязательно, а с другой – ньок-тенгер благословил на любую кровь во исполнение его воли.

– Стрелять по моей команде, – сказал, будто отчеканил, Лешага. – Только одиночными. Три выстрела, перебежка. Присмотри следующие позиции, но далеко не отрывайся. На бегу не останавливайся.

Караванщик послушно кивнул, стараясь понять. «На что он надеется? Заставить моих парней отступить, залечь, а самому уйти? Или хочет отвлечь их? Но что он станет делать дальше?»

Несокрушимый вновь кинул взгляд в сторону переполошенных женщин. Теперь они стояли на прогалине, словно приговоренные к расстрелу. Чуть сбоку, за толстым деревом, пряталась та самая старуха, которая почему-то была среди них главной.

Выскочившие на опушку правоверные на мгновение застыли, силясь понять, что тут происходит. Этого мгновения было достаточно, чтобы неказистые одеяния, завязанные узлами на плечах, точно по команде упали наземь, демонстрируя обалдевшим воякам десятки обнаженных женских тел. Отвыкшие от подобной роскоши гвардейцы Эргеза остолбенели, невольно опустив автоматы. Тут-то сверху и с флангов по ним плеснула огнем загодя выставленная засада. Те, кто выжил после первого залпа, метнулись обратно в лес. Вот-вот они будут в безопасности, но вдруг на фланге отступающего в заросли отряда мелькнула крупная фигура Бурого. Тот мчался, не разбирая дороги, а вслед за ним неслись бойцы его, Тимура, сотни, дежурившие прежде с противоположной стороны.

Бурый прыгнул вперед, ушел в кувырок, коротко выстрелил с колена, завалился на бок, перекатился, опять вскочил и снова выстрелил. Два трупя преследователей остались

на месте, окрашивая в багряный цвет палую листву. Вслед ловкому стрелку яростным грохотом ударили автоматы правых. И тут Тимур сообразил, что происходит. Бурый упал на землю и огромной ящерицей стремительно пополз в сторону. Зато отряд, только что отступивший с прогалины, решив, что его атакуют во фланг, развернулся и, не разбираясь, открыл огонь по своим. В трескотне перестрелки тонули одиночные прицельные выстрелы Лешаги и Бурого, раз за разом обрывая чью-то жизнь.

Караванщик заскрипел зубами, приподнялся, вскинул автомат, выцеливая медведеобразного верзилу. В конце концов, о нем Эрgez ничего не говорил, а стало быть... Вторая фаланга указательного пальца начала мягко вжиматься в стальной изгиб спускового крючка, но за мгновение до выстрела будто кто-то над самым ухом с силой разорвал кусок брезента: одна пуля пробила ему предплечье, другая – ногу чуть выше колена.

– Я ранен! – взвыл караванщик.

– Лежи! – не отвлекаясь от прицельной стрельбы, командовал Лешага. – Тиль, перевяжи друга.

* * *

Лунная база Эндимион-сити, Центр Управления Полетами, друзья, знакомые, прожитые годы – все вдруг стерлось из памяти второго лейтенанта службы диспетчеров Кэйтлин

Кин, будто кто-то по ошибке нажал не на ту кнопку. Остался лишь монитор, на котором высвечивался банальный в своем безразличии вопрос: «Произвести запуск?»

Тонкий палец девушки замер над кнопкой «пуск». Еще одно короткое движение – и «старая лохань», как совсем недавно ее любимый называл вращающуюся на геостационарной орбите модульную платформу «Сунь Цзы», встрепенется, пробудится от летаргического сна. В хищном зевке распахнет она стальную пасть, и к Земле, к территориям, выбранным волей хрупкой девушки, устремится стратосферная пусковая установка с парой смертоносных небесных змеев – ядерных ракет «воздух – земля». Два отравленных клыка, готовых вонзиться в планету, чтобы покарать мерзких убийц ее замечательного бесшабашного смельчака Тэда – Тадеуша Сикорски. И пусть все горит огнем, и пусть все сгорит в огне!

Лишь об одном она жалела в эту секунду: что своими глазами не сможет увидеть этот всепожирающий, рокошующий драконьим ревом пожар. Сердце, отдавая болью, резко бухало в грудной клетке, точно стараясь вытолкнуть застрявшую в пульсирующей живой плоти невидимую иглу. Раз, два... палец ее прикоснулся к теплomu пластику клавиши... три!

Монитор погас вмиг, безо всякого предупреждения. Кэйтлин, прикусив губу, еще раз нажала на кнопку, затем еще раз. Тьма, словно выплеснувшаяся из черноты потухшего монитора, заволокла ее рассудок и затуманила взор.

Она колотила по клавише, будто это была дверь, за которой ее ждала свобода, отсутствие боли и покой.

– Перестань! – коротко и резко раздалось за ее спиной. Кэйт очнулась, словно от удара, и суматошно оглянулась: кто это смеет бесцеремонно вторгаться в диспетчерскую кабину?! Да еще посреди рабочего дня?

– Пойдем, – потребовал голос. Она моментально узнала его. Не могла не узнать, как, впрочем, и любой в городе. Позади нее стоял Эдвард Ноллан III, глава организационного комитета Эндимион-сити, отец Эда Ноллана-младшего, убитого на Земле вместе с Тэдом. – Пойдем, – настойчиво повторил глава лунного города.

– А-а?.. – Второй лейтенант Кин указала на безжизненно темное окно монитора.

Ноллан, досадливо хмурясь, покачал головой:

– Ты сегодня не заступала на вахту. Компьютер работал в дублирующем режиме, как тренажер. Я проверял тебя.

Кэйт неожиданно всхлипнула, понимая, что весь ее порыв, вся страсть и ненависть оказались лишь пустой игрой воображения, что вся жесточайшая борьба с собой, ночные терзания, выстраданная решимость рассматривались под микроскопом с ледяным безразличием, словно некий психологический курьез. Она вдруг почувствовала себя подопытным кроликом, заглянувшим в глаза биологу со скальпелем. От бессильной жалости к себе, от боли, скручивающей внутренности, она запрокинула лицо вверх, ощущая,

как душит невесту откуда взявшийся в груди жгучий комок, как слезы подступают к глазам, но уже не в силах была удерживать рыдания.

– Отставить безрассудные выходки! – Эдвард Ноллан подхватил ее под локоть и поднял с кресла. – Прекрати реветь! Ты что, ребенок, у которого отобрали игрушку? Ты офицер и должна нести ответственность за свои действия. Сама могла бы догадаться: любая операция с компьютером регистрируется на центральном пульте. Если ты сохранила для себя какую-то информацию, а затем убрала ее из памяти машины, об этом появляется запись в каталоге. Во избежание ошибок и недоразумений это сообщение выделяется красным и требует к себе повышенного внимания. Ты же знаешь, как это работает. Ты вообще на что рассчитывала? Что мы не восстановим файл и не выясним, что именно ты скопировала?

Кэйтлин Кин уткнулась лицом в плечо Ноллана, в отчаянии пыталась его оттолкнуть, физически не имея сил ответить. На что она надеялась? Что не успеют, проморгают, что ей повезет и она сумеет отомстить убийцам Тэда?! А что будет потом? Будет ли вообще «потом»? Какая разница?!

Эту невысокую зеленоглазую девушку глава лунной станции знал давно. Ее отец, Стефан Кин, в прежние времена был его личным флаг-штурманом, а последние годы преподавал астронавигацию в Академии.

– Кэйти, давай ты сейчас возьмешь себя в руки, перестанешь бить старшего по званию и достойно, как подоба-

ет офицеру, дойдешь до моего кабинета. А уж затем, пока не вернется самоконтроль, можешь скулить, пока не надоест. Но лучше сразу включи мозги и слушай, что я буду говорить.

Кэйтлин обожгло это «скулить», но, пожалуй, оно же и вернуло к жизни. Она отпрянула и сквозь слезы ненависти уставилась на шефа. Лицо его было серым, как лунная пыль, глаза ввалились и потускнели. Она шмыгнула носом, вытерла щеки узкой ладошкой и послушно двинулась за Нолланом. Ей показалось странным, что по дороге никто из диспетчеров в пультовой даже не взглянул в ее сторону, как будто снять офицера с дежурства посреди рабочего дня вполне обыденное дело. Неужели все уже знают о ее неудавшейся мести?!

Она шла, понунив голову, предчувствуя неотвратимое наказание. Бог ведь какое: в своде законов Эндимион-сити нигде не предусматривалась попытка расстрелять Землю ядерными ракетами. Она готова подчиниться любому решению, вот только как теперь смотреть людям в глаза?

Массивная плита двери кабинета отошла в сторону, пропуская хозяина и его поникшую спутницу.

– Чай, кофе?

Кэйтлин, не поднимая глаз, мотнула головой.

– Ладно, тогда садись.

Девушка повиновалась. Стараясь хоть немного сосредоточиться, она уцепилась взглядом за древний письменный прибор: бронзовую статуэтку неведомого ей силача, сияюще-

гося обрушить цепями две мраморные колонны. Ноллан садиться не стал, он вышагивал по кабинету, точно желал убедиться, что тот не стал меньше за прошлую ночь.

– Я признаю свою вину, – отвела взгляд Кэйтлин. – Понимаю, что должна понести наказание.

– И я понимаю, – оборвал ее хозяин кабинета. – За Тэда хотела расквитаться? – жестко произнес он, то ли спрашивая, то ли утверждая.

– Да.

– Думаешь, тебе от такого злодеяния стало бы легче? Эти ракеты выжгли бы все живое в округе на десятки миль. А там, между прочим, обитают люди, ничем не навредившие экипажу «Джеймса Хоукинса», и еще животные, которым и вовсе до наших бед нет дела, – ты едва не убила их всех одним махом! Ни за что ни про что! И, более того, еще много лет никто не смог бы селиться в этих землях. А те, кто по незнанию или по глупости выбрал бы для жизни эту выжженную пустошь, были бы обречены на гибель, мучительную и бессмысленную.

А ты сидела бы здесь, и у тебя в душе ничего бы не шевельнулось. Ты даже не узнала бы, взорвались ракеты или от времени пришли в негодность. Даже этого утешения любого мстителя у тебя бы не было. Ты бы просто нажала кнопку. Если от этого действия тебе становится легче, я подарю тебе целую дюжину кнопок, нажимай все по очереди!

Девушка молчала, сжав губы, внутренне готовая к распла-

те, но отнюдь не к покаянию.

– Мой сын и его лучший друг и напарник Тадеуш Сикорски многое успели за краткий срок пребывания на Земле, – продолжал Эдвард Ноллан III. – Их экспедиция не была напрасной. У нас есть пробы воздуха, пробы грунта, есть кое-какие познания о быте и нравах туземцев. И еще есть понимание того, что Земля нужна нам, совершенно необходима: без нее нам тут не выжить. Ресурсы почв, завезенных на Луну, практически исчерпаны, вода, очищенная после многократного использования, годится только для технических нужд.

Теперь мы знаем, что там, куда опускался «Джеймс Хоукинс», планета вполне пригодна для существования человека. Более того, нам известно, что там сейчас правит некий Эрgez, расправившийся с убийцами наших пилотов. Вместе с ними был уничтожен гнусный изменник Аттила, некогда служивший... – Ноллан кивнул в сторону портрета обаятельно улыбающегося мужчины средних лет в строгом деловом костюме, основателя Эндимион-сити, спасителя человечества, Эдварда Ноллана-старшего. – По многим признакам можно предположить, что Эрgez имеет немалый вес в тех землях и желает сотрудничать. Все это, все плоды экспедиции, по сути, дело жизни моего Эдди и твоего Тэда, должно было пойти насмарку, чтобы как-то умерить твою боль.

– Зачем же вы дали мне возможность нажать на кнопку? – еле слышно выдавила Кэйтлин.

– Хотел увидеть, как далеко ты готова зайти.

– Увидели?

– Да, и вполне доволен увиденным. Конечно, не тем, что ты в одно движение готова была уничтожить тысячи людей и, возможно, единственную обитаемую территорию на планете, а тем, что в достижении цели тебя не остановить.

Я принял решение направить на Землю новое посольство. На этот раз прямо к Эргезу. В него войдет десантная группа, опытные бойцы, хорошо снаряженные, тренированные. Они будут вести разведку местности, определять боеспособность племен и возможность налаживания с ними дипломатических отношений. Однако главную задачу я намерен возложить на тебя.

– На меня? – удивленно переспросила девушка, моргая заплаканными глазами.

– Да. Ты должна наиподробнее образом разобраться в ситуации, наладить отношения с Эргезом, а если не с ним – то с другим туземным лидером, которого можно поддержать и привлечь к сотрудничеству с нами. В перспективе он должен будет обеспечить работу десанта, который займется обустройством земной базы. Ты станешь нашими глазами и ушами на планете. Зоркими глазами и чуткими ушами.

– Но почему я?

Эдвард Ноллан подошел к девушке и смахнул с ее щеки скатившуюся из-под приопущенного века предательскую слезинку.

– Твой вид радует глаз, твой голос приятен для слуха, ты вызываешь сочувствие и желание помочь. И не вызываешь подозрений. Но главное, Кэйт, – он тяжело вздохнул, – ты готова идти до конца.

Глава 2

За железной дверью камеры, именовавшейся в Трактире «каменным мешком», послышались шаги, уверенные, пружинистые, шаги человека, который не сомневается в своем праве свободно расхаживать в этом мрачном узилище. Карательный вскочил, на всякий случай изготовив оружие к бою. Ясное дело, чужому сюда добраться никак невозможно – охрана на входе, охрана в коридоре, но все-таки предосторожность не помешает. Тем более что не так давно другого арестованного в этой же камере прикончили. Быстро, тихо, никто и сообразить не успел. И что с того, что нынче в «каменном мешке» обитает тот самый убийца? Может, где-то в Трактире у него остались сообщники, такие же ловкачи, как он сам? Может, теперь кому-то очень нужно отослать к праотцам этого молчуна по прозвищу Двужубый?

– Стой! Кто идет?! – как полагалось, крикнул часовой, отстраняясь от закрепленного в стене факела, чтобы держаться в тени. Пришедший, напротив, вошел в круг света, поклонился и протянул охраннику записку. У того отлегло от сердца: нежданного гостя в Трактире «Разбитые надежды» знали все. Этот немногословный суровый мужчина, весьма крепкий статью, сколько помнили местные долгожители, помогал Хранителю Знаний и жил там же, в Библиотеке, охраняя сокровища мудрости. Часовой закинул автомат

за спину, развернул записку. Он не заметил, как на губах посланца мелькнула чуть насмешливая ухмылка. Но, следует сказать, она появилась на малую долю секунды и тут же исчезла.

– Трактирщик приказывает отвести арестованного на допрос? – зачем-то переспросил караульный.

– Там написано.

– Но я не могу оставить пост. А свободных людей для сопровождения сейчас нет.

– Трактирщик доверил мне сопроводить пленного.

– Тебе? – удивился его собеседник. – Почему тебе?

– С ним желает говорить Библиотекарь.

Нежданный гость безучастно пожал плечами. Столь же добросовестно он мог выполнить команду хозяина перетащить стремянку или перенести ящик с книгами в тайное подземное хранилище.

– Но тогда нужно сообщить коменданту.

– Там внизу его подпись, – все так же безразлично произнес слуга Библиотекаря. Часовой поглядел и, убедившись, что подпись и впрямь подлинная, облегченно кивнул:

– Хорошо, забирай. Когда его ждать обратно?

– Думаю, скоро. Но это не моего ума дело.

Лязгнули засовы, охранник крикнул, приоткрыв дверь:

– Двухзубый, выходи!

Тот недобро зыркнул на охранника, на сопровождающего, терпеливо дождался, когда часовой защелкнет сзади на за-

пьястях наручники. Они вышли к подножью утеса, на котором возвышалось старое здание Трактира. Но помощник Библиотекаря не стал подниматься по вырубленным в каменной толще ступеням, прошел мимо, будто и не заметив.

– Куда мы идем? – настороженно поинтересовался Двужубый.

– Не бойся, убивать тебя сегодня не будут.

– С чего ты взял, что я боюсь? Смерть – лучший исход для воина.

– Поэтому тебя и хотят оставить гнить в «каменном мешке». Там ты будешь издыхать очень долго, и без всякого смысла.

– Спасибо, утешил, – хмыкнул тайный соглядатай Эргеза.

– И не собирался утешать, – не сбавляя шага, ответил провозжатый.

– Так все же куда мы идем?

– Туда, где можно спокойно переговорить, – негромко ответил слуга Библиотекаря, переходя на странный шелкающий язык, распространенный среди диких племен Крыши Мира.

– Ты владеешь горским наречием? – Двужубый не сумел скрыть удивления.

– Я родом оттуда.

– Не похож.

– После Того Дня в горах было много пришлых. Среди них и мои родители. О них и пойдет речь.

Соглядатай чуть отстранился, пытаясь сообразить, нет ли на его руках крови этих несчастных. Поди разбери. Среди тех, кого ему довелось отправить на тот свет, бывали и пришлые, и свои. Но, кажется, помощник Библиотекаря желает говорить, а не попросту ткнуть его в горло ножом для разрезания бумаги. Это давало некоторые шансы.

– А что нужно от меня Библиотекарю?

– Ничего. Он не знает, что я вывел тебя. Сейчас Трак-тирщик вызвал его к себе, обратно он вернется нескоро. В книгохранилище никого не будет. Если ты поможешь мне, я в свою очередь помогу тебе спастись. А если нет, – сопровождающий равнодушно пожал плечами, – как было уже сказано, без толку сгниешь в «каменном мешке».

Двузубый молча кивнул, опасаясь верить своим ушам. Вот это да! Какой-то безродный слуга, всю жизнь проживший на побегушках, тупо подсчитывая и раскладывая какие-то пачки бумаги, вдруг ни с того ни с сего подделывает приказ, чтобы вытащить его! Стало быть, имеет очень веские основания для этого.

– Записку сам написал? – на всякий случай переспросил он.

– Да, я легко копирую любой почерк.

«Полезное умение», – подумал Двузубый, уже представляя, как приведет к Эргезу этого недотепу и расскажет о его замечательных способностях. Наконец они вошли в массивное каменное здание Библиотеки, и служитель книжной со-

кровищницы задвинул за собой тяжелый засов.

– Что же ты хотел спросить? – на все том же щелкающем наречии поинтересовался Двузубый.

– Я плохо уже помню свой дом, вернее, почти совсем не помню. – Слуга Библиотекаря обошел пленника, вытащил из рукава тонкую проволочку, вставил между зубцами наручников и, покрутив из стороны в сторону, дернул, без труда открыв железный браслет. – Так будет лучше.

– Не опасаясь, что я захочу убить тебя и сбежать?

– Не очень, – совершенно равнодушно отозвался уроженец Крыши Мира. – Даже если тебе это удастся, куда ты денешься потом? Всякий тут знает, что ты вне закона. Ты убивал в Трактире, а значит, любой, кто уничтожит тебя, получит немалое вознаграждение. А тут, как тебе известно, нет дома, где не хранят и не владеют оружием. Кроме того, сделать то, о чем ты говоришь, будет крайне непросто. Я живу при Хранителе Знаний с малолетства, тогда еще он не скрывал прозвания Седой Ворон. Ты сам мог убедиться, что тягаться с ним – пустая затея. Все эти годы, ради собственного развлечения, он учил меня, и, поверь, я многому научился.

– Ладно, – примирительно бросил Двузубый, растирая затекшие после туго затянутых наручников запястья. – Давай к делу.

Служитель Библиотеки кивнул, подошел к одному из книжных стеллажей, вытащил объемистый том, затем до-

стал нож из висевших на ремне ножен и аккуратно поддел дощечку стеллажа.

– Так вот, начну с давно прошедших лет. Я не помню семьи. Седой Ворон заменил мне отца. Но в моей памяти отложилось некое странное воспоминание: горы, лагерь в горах, много людей с оружием. Не знаю, чего они хотят, зачем пришли, просто много больших мужчин и много оружия. Мой отец командовал ими, я помню, как построились они в два ряда и стояли, а он им что-то говорил. Я шел рядом с отцом, держась за его штанину, гордясь тем, какой он огромный и сильный.

Затем я что-то сказал, что – уже не помню, однако ему понравилось, и он подарил мне вот это. – Слуга Хранителя Знаний вытащил из углубления в тайнике плоский медальон с загадочным рисунком: среди песчаного моря высились, указывая острием в бескрайнее синее небо, странные пирамидальные строения без окон. Рядом возлежало огромное каменное животное, вроде льва с безносым человеческим лицом. – Это все, что осталось у меня в память об отце. Матери я не помню вовсе. И я очень хочу понять, что это такое.

– Да, негусто, – сочувственно произнес Двужубый. – Больше не помнишь ничего?

Помощник Библиотекаря задумался, вызывая в памяти детские видения.

– Кажется, у некоторых были шлемы, такие круглые. Пла-

стина, закрывающая лицо, опускалась и поднималась, снаружи она была черная, но изнутри сквозь нее абсолютно все было видно. Отец надевал мне такой шлем.

Двузубый побледнел.

– На многих людях были такие шлемы? – удивленно раскрывая глаза, переспросил он.

– Точно не помню, кажется, да.

– И отец подарил тебе этот медальон? Ничего не путаешь?

– Я ведь уже сказал. Совсем недавно подобный, только с другим рисунком, я видел у Лешаги. Тот говорил Библиотекарю, что вещь древняя, досталась ему от Учителя – Старого Бирюка.

Двузубый почувствовал, как сами собой предательски сгибаются колени.

– Ты что-то знаешь? Говори! – увидев, как пленник изменился в лице, потребовал воспитанник Седого Ворона.

– Да, о высокий господин! – Двузубому вспомнились годы службы в рядах Несокрушимых и гулявшая среди воинов давняя история о нападении разбойников на горный лагерь пророка Аттилы в момент, когда тот с Шерханом и другими ближними уезжал проверить селение в Долину Спасенных Детей. Рассказ этот был под запретом, но шепотом передавался от старых воинов новичкам, так что в гвардии о нем знали все. Разбойничья шайка напала на спящий лагерь, убила многих, но главное, злодеи похитили единственного сына Пророка, малыша Чингиза. Двузубый не мог поверить своим

глазам, но все говорило о том, что перед ним не кто иной, как похищенный сын Аттилы!

– Да, о высокий господин, я знаю, кто твой отец. Лишь один человек мог командовать воинами в таких шлемах, лишь один мог подарить тебе такой медальон. Это Светорожденный Аттила – Пророк и властитель правоверных. Приветствую тебя, доблестный Чингиз! Какое счастье! Мне выпала честь открыть двери для возвращения высокородного сына в дом отца своего!

* * *

Лешага склонился над раненым. Тиль хлопотал рядом, накладывая жгуты, торопясь остановить кровь.

– Как же ты подставился-то? Я же тебе ясно сказал, где быть. Одно слово, караванщик.

Тимур до хруста сцепил зубы от такого неслыханного оскорбления, что, впрочем, легко могло быть списано на терзавшую его боль.

– Пустяки, – скупко прокомментировал Леха, разглядывая входные и выходные отверстия, – ранения сквозные, вроде ничего особо важного не зацепило, со временем заживет. – Он открыл висевшую на поясе сумку с лечебными бальзамами и протянул Тиле запечатанную гильзу от тяжелого пулемета: – На, после того как кровь остановится, смочи этот порошок слюной и замажь края раны, чтобы не пошла огне-

вица.

– Не оставляй меня тут! – взмолился Тимур, понимая, что если отряд его, вчера еще казавшийся вполне ощутимой силой, уничтожен без остатка, то оставаться посреди леса – верная смерть. В голове дикой чехардой плясали моменты недавнего боя. Вроде бы участвовали не все... Как-то мало было стрелявших... Может, кто еще и жив? По всему выходит, Лешага знал о засаде. Но откуда? Как ловко он переиграл их! Даже виду не подал, что почуял за собой погоню!

Тимур не мог видеть всего, что происходило на заре. Ему было невдомек, что воины его, едва погнавшись за оказавшимся вдруг перед ними чешуйчатым монстром, сами попали в засаду. Стая черных, рыжих, серых с подпалинами огромных псов без угрожающего рычания и бестолкового лая атаковала людоежов, будто сгустившись из предрассветных сумерек. Все происходило быстро: двое псов хватали за руки, еще один вонзал клыки в горло, завершая казнь. Сейчас там, внизу, наскоро одевшись, женщины собирали оружие и боеприпасы, успокаивали бьющихся в страхе коней, готовились к походу.

Тимура все это время не оставляла надежда, что кто-то из его бойцов жив, спрятался и готов прийти на помощь. Он молил дух Аттилы, вознесшегося к Творцу Предвечному, чтобы явил милость свою и оставил хоть малую часть его людей в живых. Но прежде всего следовало отослать известие Эргезу об этой позорной схватке, пусть и неприятное,

навек лишающее его милости повелителя. Но не подобало скрывать правду от Величайшего.

– Ничего, ничего, – подбадривал его Лешага, отщелкивая магазин от автомата и вставляя в него поблескивающие на солнце патроны. – Оклемаешься. И похуже бывало, а люди выживали. Отнесем тебя в безопасное место, останешься там с женщинами, они тебя выводят. А там, как встанешь на ноги, сам решишь, то ли с ними оставаться, то ли обратно в Трактир пробиваться.

На мгновение в голове у Тимура мелькнула предательская мысль, что, быть может, укрыться в здешней лесной глуши – как раз то, что ему нужно для спасения. Если Эрgez не узнает, что он выжил в этой бойне, то и кары ему не будет. Он поспешил отогнать внезапное помрачение рассудка – искушение, посылаемое демонами для испытания веры его. Ньоктенгер знает все обо всех! Нет тайн, сокрытых от его глаз! Если то или другое неведомо ему, то лишь оттого, что в эту сторону он еще не обратил своего орлиного взора.

Для Тимура, посланного высочайшим повелением наследника Аттилы, никакой возможности скрыться нет и не может быть: Эрgez, да продлятся дни его и усладятся ночи, отыщет предателя даже в пасти черного змея, слепого аспида, обитающего в глубинах старых подземелий, чующего все живое в округе на много часов быстрой ходьбы.

– Я смогу идти! – взмолился он.

– Конечно, – не отвлекаясь от набивания магазина, со-

гласился Лешага, – но еще нескоро. А мы должны спешить. Ты останешься в Бунке.

– Но куда, куда ты пойдешь? Да и зачем?! – не унимался раненый. – В Трактир дорога заказана, снова искать пропитание в Диком Поле смысла нет: хозяева караванов тебя опасаются. Ты же понимаешь, если я в Трактире не появлюсь, меня и людей моих сочтут твоими жертвами. Мол, обозлился, убил и ограбил. В раздольники идти? Какой из тебя раздольник? Не твое это. А здесь у тебя Бунк, любимая женщина. Только позови, люди к тебе придут. Живи, радуйся.

Леха покачал головой:

– Не выйдет радоваться. Людожоги мне своего разгрома нипочем не простят. Они моей крови хотят. Видишь, охоту какую открыли. Теперь не остановятся. Хорошо, мы с Бурым засаду почуяли. Надо идти на ту сторону, за реку, там искать пока не начнут. Тут будут рыскать. Ну да ничего. Сами в драку лезть не будем, но и прятаться не станем. Придется с вожаком людожогов накоротке сойтись – значит, быть по тому. А нет – ежели Ноллан позволит, самое время в Шаолинь идти...

Он вставил магазин в автомат, передернул затвор и хлопал себя ладонью по груди. Там, под блекло-пятнистой одеждой, сшитой для него Зариной еще в поселке чешуйчатых, хранился заветный медальон с длинноухим каменным изваянием и летящим монахом в оранжевых ярких одеждах.

У Тимура похолодело сердце. Пока он будет отлеживать-

ся в Бунке, Лешага еще, чего доброго, доберется до Эргеза или, что уж совсем скверно, затеряется в горах Крыши Мира, ищи его потом!

— Не оставляй меня! — снова взмолился караванщик. — Возьми с собой, я в тех краях прежде жил, дороги знаю, приведу куда захочешь.

Лил сидела, обхватив голову руками, уткнув лицо в колени. Глаза ее были закрыты, но это не мешало ей видеть.

Вчера она видела односельчан, с которыми вместе росла, которых знала с малолетства. Теперь, зыбкие и прозрачные, они бродили по лесу, скрываясь в деревьях, словно в жилищах, не желая исчезать. Они смотрели, не отворачиваясь, с болью и немым укором, напоминая, что ее такая странная, такая неуместная любовь обрекла селение на гибель. Они глядели на нее пристально, как будто хотели что-то сказать. Она знала, что они ее не видят, просто возникают на пути снова и снова, будто ожидая вопроса, и, не дождавшись, растворяются, оставляя за ее спиной неприятный ледяной след.

Когда еще до рассвета Леша разбудил ее, коротко и четко, как делал это обычно, поставил боевую задачу, она даже обрадовалась: больше никто не смотрел на нее из прозрачной дымки. Марево ушло, будто утренний туман, стелящийся по лугу.

Но вот видение снова вернулось. Это уже были не од-

носельчане, павшие в нелепой схватке, устроенной Маратом, не старики, убитые на пороге собственных домов осколками мин. Это были людоежи, уничтоженные их отрядом на рассвете. Теперь они больше не казались опасными. На их лицах застыли ужас и растерянность: разорванное горло, дыры от пуль, кровь, грязно-бурыми кляксами запекшаяся на одежде... Похоже, они и сами толком не успели понять, что с ними случилось. Смерть настигла их раньше, чем сознание успело включиться. Ошарашенные мертвецы ходили, искали кого-то, не замечая живых.

Зато Лил видела их прекрасно, хотя и сидела с закрытыми глазами. И они, похоже, чуяли ее присутствие, останавливались поодаль как вкопанные и, как раньше односельчане, глядели и молчали.

– Что-то случилось? – присела рядом Асима. Еще сегодня на рассвете она командовала женщинами, и придуманный ею маневр обеспечил успех боя.

– Нет, – Лил через силу мотнула головой, не размыкая глаз.

– Зачем обманываешь? Случилось. – Она положила руку на пышную копну волос дочери покойного старосты. – О-о! Вот оно как!.. – Женщина покачала седой головой. – Чужое знание на себя взвалила. Мертвых видишь? – не то спросила, не то констатировала она.

– А ты откуда знаешь? – Лилия вскинулась и слегка отстранилась.

– Давно живу, много знаю, – с печальным вздохом отмахнулась Асима. – И что же, мертвые говорят с тобой?

– Нет, только всматриваются.

– Ну, стало быть, как научишься их слышать да спрашивать, так и говорить начнут.

– Но я не хочу.

– Тут уж хочешь не хочешь – никому дела нет. Поверь мне, будут топтаться вокруг да глядеть пустыми глазами, пока с ума не сойдешь или с мертвыми на их языке не заговоришь. Так что от Пути своего не убежишь. У тебя это на роду написано. Видящий Путь тебе кем приходился?

Лил не поверила своим ушам, услышав от почти незнакомой старухи прозвание, которым почтительные жители поселения называли Провидца. Но, в конце концов, слухами земля полнится.

– Он старший брат моей матери.

– Вот, стало быть, к тебе его способность и перешла, – со вздохом заключила Асима. – Как не стало Ясновидящего, так ты его дар в наследство получила. Теперь, голубка моя, надо научиться этим даром владеть.

– Я не хочу! – Лил вспыхнула, вскочила на ноги, сжала кулачки, словно намереваясь вырвать из себя нежданный дар, разогнать бродящих по лесу ошалелых призраков. – Не хочу, пусть лучше все будет, как прежде.

– В этом ты невластна. Что было – ушло, не догнать. Дар теперь твой. Так что уж владей им с толком, раз сбросить

этот груз не в твоей власти. А впрочем... — Асима неспешно оглядела Лил, точно впервые увидела ее и теперь хотела запомнить навсегда. — Впрочем, — повторила она, — может, все и само уйдет. Но еще не сейчас.

— А когда? — с надеждой встрепенулась девушка.

— Ясное дело, когда другому этот дар передашь. Как же иначе?!

— То есть умру? — Лил побледнела. Ей стало невыразимо жалко себя. Она подумала, что больше никогда не увидит Лешу, никогда не услышит болтовни Марата...

— Ну что ты? — с легкой насмешкой в голосе успокоила ее ведунья. — Зачем умирать? Когда новую жизнь подаришь. Дитя в тебе затеплилось, милая. Пока носить его будешь, дар никуда не уйдет. Он и от живых, и от мертвых охраняет. Ни о чем не беспокойся, голубка моя, дар твой хоть и тяжел, но польза от него немалая может быть. А уж как с ним управляться, я тебя научу.

Глава 3

Властитель правоверных, ньок-тенгер Эрgez, упражнялся со священным клинком, унаследованным от самого Аттилы. В голову неотвязно лезли недавние события в звездной колеснице чужаков, посланцев Ноллана. Один взмах отточенной стали, и отсеченная голова того, кто еще совсем недавно правил неохватными землями, быть может, половиной мира, ненужным хламом свалилась к его ногам.

Но суть не в этом: все эти годы лишь один этот взмах отделял его от могущества почти беспредельного, от власти, которой не смеет противиться ни один смертный. «А если дерзнет, – Эрgez крутанул запястье, и блистающее острие быст-рокрылым стрижом очертило дугу перед глазами замершего Арслана, командира Несокрушимых, – пусть страшится. Он допущен к правителю так близко, что может задумать недоброе.

Любой может задумать недоброе, даже самый верный. А стало быть, пусть знает и помнит, какой скорой может быть расплата за коварный умысел. Пусть думает, что Пророк доверяет своему рабу, что он вручил ему нити чужих судеб. И мелькающее в руках стальное острие легко может пресечь любую из них. – Он скользнул к столбу из свернутых в тугой рулон циновок. Взмах, еще взмах – и столб рассыпался на три части, завалился, точь-в-точь мертвое тело. – Вот что

будет с дерзнувшим! С любим, кто осмелится встать на его пути!»

– Ты принес новости? – Эрgez вернул отточенный шамшир в ножны.

– Да, высокий господин.

Эрgez любезно кивнул.

– Тимур прислал голубя?

Начальник стражи потупил взор, будто не Тимур, а сам он обязан был выслать птицу с запиской.

– Быть может, кто-то сбил его, – вместо ответа предположил он. – Или его перехватил голодный чеглок.

– Сейчас нет похода, и никто не выпускает чеглоков. Впрочем, есть еще голодные ястребы... Но мне представляется более вероятным, что это отступник Атиль вновь предал веру, предал народ свой и заманил моих людей в засаду! – гневно перебил владыка.

– Но у противника слишком мало сил, чтобы организовать засаду.

– Так и есть. Если этот Лешага не получил подкрепления неведомо откуда, сил у него почти нет. Но ты недооцениваешь его. Да и Атиля тоже.

Возможно, он за годы изгнания позабыл мою рабыню и ее выродка. Быть может, стоит прикончить их? К чему кормить нахлебников?

Эрgez устремил испытующий взгляд на приближенного. Жену Атиля, Чандру, знал всякий при походном дворе вла-

ститителя правоверных. Не так уж много иноверцев было допущено пред очи того, кого сам Пророк некогда поставил наместником за Срединным хребтом.

Сперва ей здесь пришлось очень тяжело. Неслыханная дерзость – почитать ложных богов, позволить себе стать женой сына наместника Крыши Мира! Теперь лишь самые черные работы были ее уделом и место на псарне – жилищем.

Но, говорят, время обтесывает даже клыки гранитных скал. Постепенно ее поклонение каменным богам стало забываться, вернее, оно как-то перестало привлекать внимание, точно монотонный шум далекого водопада. А вот то, что эта тихая женщина, большеглазая и гибкая, как речной тростник, добра и готова без всякой корысти помочь любому, будь то воин или последняя собака, – об этом теперь знали все.

Никто не дарил ей разноцветных тканей или украшений, найденных в Бунках, не угощал свежей дичью, но сейчас, когда Эрgez недвусмысленно изъявил желание убить незаметную рабыню, сердце Арслана отчего-то кольнула жалость. Он и сам удивился. Пожалуй, никогда прежде ему не случилось беспокоиться о судьбе чужака, а уж тем более иноверца.

– Бывает еще: встречный ветер заставлял птиц сбиваться с пути, – желая выиграть хоть немного времени, пробормотал он. – Надо подождать. Может, Тимур пришлет другого голубя вечером. А если сегодня казнить женщину Атиля, больше не останется наживки. Если потом окажется

ся, что в задержке виноват какой-нибудь стрелок или вовсе непогода, ее не оживишь, а он может сорваться с крючка.

Эргез покачал головой:

– Ты не проявляешь особого рвения, Арслан, и пытаешься скрыть от меня гнусную жалость, погубительницу великих дел. Да еще и стараешься упрятать свои уловки в тени обмана. Быть может, ты состарился, воин? – Он вперил взгляд в начальника стражи, едва ступившего на землю в дни, когда Эргез уже объезжал первых скакунов. – Быть может, тебе пора на покой? В болотном краю, там, где упала звездная колесница, сейчас нет амира. Я готов даровать тебе эти земли.

Арслан побледнел, сознавая, к чему клонит господин, но постарался не отвести взгляда. Властитель правоверных не бросал слов на ветер, и недовольство его многократно ускоряло ход времени, заставляя человека проживать годы за считанные минуты, неумолимо приближавшие скорую гибель. Начальник стражи всегда помнил: «Слабому не место во главе Несокрушимых, и всякий может дерзнуть занять этот пост, победив в честном поединке». Или не честном – как пожелает господин. По спине старого воина пополз холодок.

– Но все же в твоих словах есть смысл, – явил милость Эргез, изобразив подобие усмешки. – Возьми головную ленту этой ничтожной, убей какого-нибудь иноверца и намочи ленту его кровью. Затем отошли записку Тимуру и перевяжи ее этой лентой. Да укажи в послании, что пока на ней кровь

другого человека, но это легко исправить. Если отступник не ценит моей доброты, пусть трепещет при одном упоминании имени Эргеза Справедливого!

В дверь походного дворца поскреблись. Владыка правоверных кивнул начальнику стражи, и тот устремился к выходу, радуясь возможности не видеть больше грозный лик господина. Ему часто доводилось встречать опасность лицом к лицу, но под взглядом наследника Пророка он чувствовал невыносимую робость, почти страх. И всякий раз искренне радовался, выходя из апартаментов, даже немного удивлялся, что по-прежнему жив.

Его не было чуть больше минуты.

– Мой повелитель, – радостно начал он, останавливаясь на дистанции сабельного удара, – прилетел голубь от Тимура. Как я и полагал, он просто сбился с пути. Твой человек говорит, что отряд его попал в засаду и был уничтожен, но сам он жив, хотя и ранен. Атиль оказал ему помощь и сам перевязал раны. Еще он пишет, что Лешага со своими людьми намерен перейти Серую Воду и вторгнуться в твои владения.

– Попал в засаду... – задумчиво повторил наследник Атилы. – Чью засаду?

– Об этом он молчит. В тех краях много волкоглавых, – напомнил начальник личной гвардии. – Эти мерзкие твари всегда нападают из засады.

– Что ж, хорошо, если так. Тогда, быть может, и вправду Атиль ни при чем.

– Ни при чем, – отчего-то с облегчением подтвердил верный Арслан. – Он помог отправить голубя. Твой человек пишет, что сам он не смог бы сделать этого.

– Вот и поглядим. – Эрgez протянул руку и взял мелко исписанный клочок бумаги. – Почерк не слишком похож. Тимур пишет, что ранен в предплечье. Это может объяснить подмену, но может быть также, что Тимур вовсе не имеет никакого отношения к письму и что Атиль с Лешагой попросту решили поиграть со мной в кошки-мышки. Поблагодари Тимура за рвение и вырази надежду, что раны его заживут быстро. Пусть сообщает мне о передвижениях и намерениях Лешаги. Я решу, куда его лучше направить.

– Все это перевязать окровавленной лентой?

– Не надо, пусть думает, несчастный, что я ему поверил.

* * *

Чингиз, сын Аттилы, звавшийся в Трактире не иначе как человеком Библиотекаря, даже в имени которого ни у кого не было нужды, отодвинул лежанку в своей убогой каморке за книжными стеллажами, и под скрипучим деревянным топчаном блеснули стволы автоматов и целые россыпи патронов.

– Ого! – восхитился Двузубый. – Откуда у тебя столько?

Для него, возвращенного меж воинами, оружие было привычно, как продолжение собственного «я». Скорее мужчина

согласился бы выйти из дому раздетым донага, чем безоружным. Но здесь, в книжной сокровищнице, он никак не ожидал увидеть такой нешуточный арсенал.

– Тут этого добра много, – не вдаваясь в пояснения, отмахнулся сын Пророка.

– Где – тут? – настороженно уточнил Двузубый.

– Внизу. – Служитель Библиотеки топнул по каменному полу, будто уточняя, где именно расположен низ. – Забираем самое необходимое и уходим.

Двузубый зачарованно глядел на добротные разгрузочные жилеты, ребристые бока гранат, короткоствол в деревянной кобуре... Однажды он уже видел такой. При желании этот необычный футляр становился прикладом, а сам короткоствол превращался в карабин и мог вести огонь одиночными выстрелами или очередями.

Глаза разбегались от богатств, и руки тянулись сразу ко всему. Двузубый замер, как кладоискатель над сундуком пиратских сокровищ.

– Давай, давай, поторопись! – подгонял хозяин оружейного склада.

– Но сейчас еще слишком светло, – пытался его образумить беглец. – Нас увидят, откроют огонь. Лучше уходить, когда стемнеет. Я тут знаю хорошее место...

– Не мешкай! – будто не слыша его, властно перебил сын Аттилы. – Мы не пойдем через посты. Здесь есть другой ход. – Он снарядился ловко, без единого лишнего движе-

ния, как будто делал это помногу раз на день, затем вытащил из кармана набор загнутых железок разной длины и вида. — Лишнего не бери, идти придется долго.

Он примерился к отмычкам, подобрал нужную и едва слышно направился к двери личного кабинета Библиотекаря. Еще мгновение — запертый висячий замок тихо звякнул и качнулся на разомкнутой дужке.

— Ну-ка, помоги мне отодвинуть стол, — негромко скомандовал Чингиз. В скромных апартаментах резной старинный стол выглядел настоящим сокровищем. Двузубый смиренно повиновался. Обнаруженный под массивной тумбой люк открылся без скрипа и лишних усилий. Нетрудно было догадаться, что им довольно часто пользуются.

В лицо холодной сыростью дохнула мертвенная темнота подземного хода. Выросший в горах, беглец не любил лисьих нор старых подземелий, где всегда было сыро и нечем дышать. Но тот, кто вытащил его из «каменного мешка», не думал спрашивать согласия спутника.

— Давай, давай, быстрее! — поторопил он и первым шагнул в черный провал лаза. Когда вделанные в стену железные скобы закончились и под ногами, хвала Пророку, почувствовался твердый пол, сын Атиллы невесть откуда выхватил странную палочку, резко согнул ее, и та засветилась холодным мертвенно-голубоватым светом.

Двузубый невольно ощутил холодок между лопатками. Ему и прежде доводилось бегать по разным подземным ко-

ридорам, атаковать врага, выкуривать его густым едким дымом из скрытых убежищ. И, конечно, сжигать всеочищающим пламенем.

Но сейчас врага рядом не было, а голубоватое свечение порождало неотвязные мысли о людях, похороненных живо в этой безжизненной каменной толще. Когда он был совсем маленьким, слышал такие истории. Старые люди, собирая их, мальчишек, по ночам вокруг костра, пугали рассказами о страшных неупокоенных душах. Вынужденные после Того Дня жить в пещерах, они год за годом теряли иссохшую плоть, со временем превращаясь в такое вот голубоватое свечение. Злобными, холодными тенями они теперь обречены вечно блуждать под землей, не смея выйти наружу, готовые убить все, что дышит. «Из стен и пола они будут тянуть к тебе свои прозрачные стылые пальцы, – всплыл в его памяти давно забытый рассказ древнего старца, жреца почитаемого в селении каменного бога, – совсем как ты сейчас тянешь руки к костру. Они будут умолять, чтобы ты согрел их своим теплом, и, если, на горе свое, поддашься, выпьют жизнь ненасытно и жадно, одним глотком. Выпьют и не напьются, ибо жажда их бесконечна». Двухзубый чувствовал, как его постепенно пробирает ужас. Там, наверху, среди лесов, гор, степей он не боялся никого и ничего, много раз смотрел гибели в лицо, но здесь... Ему виделись прозрачные контуры тех, кто прежде населял эти залы, ходил по гулким сводчатым коридорам...

Чингиз бодро шел впереди, будто и вовсе не боялся обитателей подземелья, испытывая явное отвращение исключительно к осторожным длиннохвостым тварям, то и дело разбегавшимся в стороны при виде людей. Он шагал быстро, без колебаний, точно зная, куда идти, и лишь бросал время от времени через плечо: «Давай, давай, пошевеливайся!» Наконец коридор уперся в металлическую дверь с круглым штурвалом.

– А ну-ка помоги повернуть!

Двузубый различал стук где-то совсем рядом. Но, может быть, это непривычно громко стучало его сердце? Он вцепился в колесо штурвала, будто пытаясь задушить его, стал тяжело, с усилием, поворачивать, вызвав гневный скрежет в глубине металла. Спустя несколько мгновений в стене образовалась щель, достаточная, чтобы протиснуться взрослому человеку.

– Смотри под ноги, тут лестница! – предупредил сын Пророка.

На этот раз ступени были широкие, железные, и каждый шаг колоколом отдавался в голове. Внизу, сколько в тусклом освещении видел глаз, лежали бесконечные железные полосы, соединенные между собой едва заметными вросшими в грунт деревянными брусками.

– Где мы? – стараясь не показывать терзавшего душу первобытного ужаса, спросил Двузубый.

– Под рекой, – должно быть, не совсем поняв вопрос, от-

ветил Чингиз. — Нам туда. — Он махнул зажатой в кулаке светильней и зашагал, перескакивая с бруса на брус.

Двузубый пошел следом, отчаянно стараясь не думать ни о чем, кроме пляшущего впереди холодного огонька. Ему было до нелепого странно при мысли, что еще совсем недавно он мог замышлять недоброе против этого человека. Теперь-то он понимал, что сила Пророка сполна передалась его сыну и все людские попытки навредить ему — глупая блажь и пустая трата времени. Чингиз был велик даже этим отсутствием внешнего блеска. Прикажи он сейчас, и воин с радостью прыгнул бы со скалы в бушующий поток, сразился с десятком иноверцев! Прикажи...

— Вон, смотри. — Будничный голос помощника Библиотекаря оторвал беглеца от возвышенных мыслей. Впереди, в отдалении, знаком близкого спасения маячило светлое пятнышко. — Мы у цели. Это выход из Трактира. — Двузубый хотел было метнуться вперед, но провожатый по нижнему миру негромким окриком заставил его остановиться: — Погоди! До недавнего времени лаз не охранялся, но сейчас — кто знает? Я проверю. Жди тут.

Воин присел на холодную железную полосу, протянутую ниоткуда и ведущую никуда, послушно, будто ребенок у ног матери. А ловкий книгочей, ступая чуть слышно, двинулся по рельсам к выходу. Свет впереди был виден ясно, однако Двузубого терзала неведомая прежде тревога: «Только бы он вернулся! Только бы вернулся!»

Между тем Чингиз выскользнул на поверхность через приоткрытый люк, замаскированный снаружи кустами остролиста, быстро огляделся и, не увидев никого, взмахнул руками, будто намереваясь улететь, затем, вполне довольный содеянным, вновь исчез в подземелье.

«Что-то он задумал, – себе под нос прошептал Седой Ворон, всматриваясь в оптический прицел. – Хорошо бы понять что». Он поднял ствол винтовки с интегрированным глушителем и тише собственной тени скрылся за деревом.

* * *

Лешага обвел взглядом свой разношерстный отряд. «Конечно, с таким воинством много не навоюешь. Я да Бурый – остальные малопригодны к делу. Ну, может быть, с натяжкой, Марат. Ничего не скажешь, поднахватался за последнее время. Шутка ли, с момента нашей встречи из боев и походов не вылезает. – Он обратил взгляд на Тиля. Песнопевец, отбросив прежние свои ухватки, теперь был вооружен и, судя по манере держать автомат, прекрасно знал, с какой стороны тот стреляет. – Вот только одна беда: можно ли ему вполне доверять? О засаде он, конечно, предупредил, но, может, в этом была для него какая-то своя выгода. В чем будет его интерес завтра, поди, знай.

А с остальными-то... с остальными и вовсе непонятно, как быть. – Он переводил взгляд с одного женского лица

на другое. – Есть совсем молодые и постарше, а есть такие, что лишь самую малость моложе сестры Учителя. Да и Аси-ма... конечно, спору нет, она крепка, будто виноградная лоза, но все же тащить ее в пасть к зверю за реку чересчур опасно. А уж Лил, так и вовсе...»

– Людожогги придут по следу крови, – внезапно прервала молчание старая женщина. – Они по вере своей обязаны покарать всякого, кто поднял руку на любого из правоверных. Ведь так? – Она повернулась к лежащему на носилках Тимур: – Скажи, ведь ты из тех краев, обычаи знаешь.

Раненый кивнул, сцепив зубы от боли и досады: на его глазах затевалось коварство против единоверцев, а он ничем не мог помешать. Положиться на верность Тилья?! С молодых ногтей Тимур не верил никому, кроме Пророка и его наместника! Потому-то и отдал тогда сына Шерхана с его нечестивой горянкой на суровый, но справедливый суд властителя правоверных. Служение вере превыше любой корысти. Хочет Тиль или нет, он будет служить ньок-тенгеру, иначе его ждет кара земная, а пуще того, небесная.

– Что с того? – не обращая внимания на раненого, пожал плечами Лешага. – Мы уйдем за реку и окажемся у них в тылу.

– Удастся ли далеко уйти? Людожогги движутся быстро, и следопыты у них хорошие. А они, – сестра Бирюка кивнула на свое женское войско, – едва умеют держаться в седлах.

– Да я и сам понимаю.

– Людожогги придут по кровавому следу, – вновь повторила Асима, – но и прорвы издалека чуют кровь. Надо, чтобы они встретились. Если женщины пойдут к монастырскому Бунку и потянут кровавый след за собой, там волкоглавые и эти негодяи наткнутся друг на друга. А женщины между тем отсидаются под землей.

– Откуда ты знаешь про монастырь? – насторожился Леха. Старая женщина пожала плечами:

– Я помогла спастись с Базы Сохатому, от него и знаю. Судя по всему, он пошел искать побратима и... – Она тяжело вздохнула, вспоминая недавний бой у Барьера Ужаса и простреленное тело Старого Бирюка у себя на коленях. – И, сам мог видеть, нашел. Понять бы, где он теперь?

– Хорошо, – кивнул Лешага. – Тогда вы с женщинами отвлечете внимание людожогов и столкнете их с прорвами. Лил останется с тобой. А мы пойдем за великую Серую Воду.

– Вот еще! Я пойду с тобой! – возмутилась Лил.

– Ты же знаешь, это очень опасно. – Негодуя на себя за попытку договориться, Леха все же старался придать голосу несвойственную ему мягкость.

– Он прав, Лил, – вмешалась Асима. – По ту сторону великой реки путь и правда опасный. Но я буду охранять тебя, а твой дар, в добрый час, защитит весь отряд, – голосом негромким, но не терпящим возражений, сказала Асима. – А они, – Гюрза кивнула на женщин, – дойдут сами. Дай им часть захваченного оружия и коней. Память о про-

рвах не даст им заснуть, покуда вокруг не окажутся надежные стены убежища.

Лешага нахмурил брови: с чего это старуха раскомандовалась?

Вдруг тяжелая рука побратима легла ему на плечо:

– Она дело говорит, Леха. Послушай ее.

Глава 4

Марат оскалился, что означало на этот раз гримасу удовольствия, но на неподготовленного зрителя физиономия с клыкастой пастью, вмятинами на месте носа, круглыми, светящимися в темноте глазами, вдобавок покрытая мелкой буро-зеленой чешуей, производила неизгладимое впечатление. Некоторые так и оставались стоять, пока устрашающее существо с автоматом на груди пройдет мимо и леденящая оторопь развеется, как марево.

Верный спутник доблестного Лешаги действительно испытывал радость, пожалуй, впервые с тех пор, как расстался со Светлым Рыцарем на Сарычевой горке. Теперь черед бессмысленных отступлений, запутывания следов останется позади. Уж кто-кто, а Лешага точно знает, куда идти и зачем! Если он сказал, что их путь лежит за реку, то, стало быть, это и есть правильное направление.

Ему вспомнилась книга, читанная давным-давно, еще среди Пустых Холмов у большой переправы. Там, чтобы сжечь одно странное кольцо, делавшее хозяина невидимым, вот так же собрали целый отряд лучших бойцов.

Он обвел глазами спутников. Да уж, Лил и хлопотавшая вокруг нее почтенная женщина вряд ли могли сойти за воинов, и они с Тилем не такие уж герои, но все же получше, чем мелкие людишки с мохнатыми ногами из той самой кни-

ги. А еще у нас есть автоматы и много патронов!

Он бы сейчас отдал что угодно, лишь бы его в этот миг увидела Зарина. Марат уже не стал бы, как прежде, трещать без умолку о чужих сражениях и походах. Усмехнулся бы чуть заметно, совсем как Лешага, да поправил на груди верный автомат: «Сколько с ним пройдено, всего и не упомнишь, и не перечесть!» Что тут говорить, и так ясно: кого попало не берут в отряд, идущий за великую Серую Воду, и он-то прекрасно понимал, не абы зачем, а для схватки с Темным Властелином, как бы его там ни звали на этот раз!

Он смутно помнил, тоже из каких-то книжек, что еще задолго до Того Дня за эту Серую Воду, за Срединный хребет отправляли тех, кто совершил опасные преступления. Уже тогда эти дальние земли почитались недобрыми, и, хотя их почему-то именовали «местами не столь отдаленными», всякий знал, что возврата из-за Срединного хребта нет. Должно быть, там их приносили в жертву мрачному владыке, кажется, имя его было Гулаг. Каждый день это чудовище поглощало тысячи людей! Подобное ни одному дракону не под силу! Как бы ни силился Марат представить себе этого монстра, удавалось слабо. И вот теперь они уже почти бросили вызов неизвестному врагу.

Его давно уже мучило любопытство, что же такого задумал Леха, для чего пытается забраться в самую пасть неведомого злодея? А что, если он и впрямь раздобыл то самое волшебное кольцо?..

Но попытки выяснить страшную тайну все не удавались. Лешага вечно отмахивался от его расспросов. Ну, так на то она и тайна!

«Конечно, теперь, когда Леха нашел своего побратима, он вполне мог отправиться разыскивать изображенный на его медальоне таинственный Шаолинь. Но разве знающий все обо всем Библиотекарь не говорил, что древний храм разрушен?! И Тиль о чем-то таком пел. Чего теперь искать-то?

Да и то сказать, если Лехе и Михе приспичило идти туда, зачем им такие спутники? Вдвоем-то они наверняка пройдут где угодно, да и куда быстрее, чем с такой, – драконид печально вздохнул, критически оглядев соратников, – обузой.

Почему Лешага не прервал старуху, не взглянул на нее, будто недоумевая, как в чью-то голову пришла идея оспаривать его команды? Отослать Лил, Тиля и раненого караванщика Тимура в монастырское подземелье: что может быть понятнее и разумнее?» Себя-то он без оговорок причислял к отряду, уходящему за реку. «Как же иначе? Но вот, скажем, тот же раненый караванщик – его-то для чего тащить? – досадовал чешуйчатый. – Может, он знает дороги в тех горах? Караванщики везде ходят, мог бывать и там».

Терзаясь сомнениями, Мурат отправился к раненому. Того везли на носилках, сооруженных меж двух коней. Вопрос еще крутился у чешуйчатого на языке, когда он услышал голос Тимура:

– Хорошо, что ты пришел, Марат! Подойди-ка поближе, дружище, хочу посоветоваться с тобой. – Раненый чуть поднялся на локте. – Только поклянись, что никому не расскажешь о нашем разговоре.

– О чем ты? – удивился драконид.

– Поверь, это очень важно, – утирая испарину со лба, простонал караванщик. – Тебе я могу доверять. Ты ученик Лешаги, его верный соратник.

Чешуйчатый почувствовал, как сами собой расправляются плечи. Конечно, кто, как не он, заслуживает доверия в серьезных вопросах?! Даже Бурый и то не был рядом с Лехой, когда они рука об руку сражались за Трактир, когда летали по воздуху или отбивали прорыв от селения Декана.

– Пойми, – с неподдельной тоской в голосе продолжал его собеседник, – я опасаясь худшего. Если мои сомнения небеспочвенны, в ближайшее время мне суждено погибнуть. – Он выдержал паузу. – А затем и всем вам.

– О чем это ты говоришь?! – встревожился Марат.

– Тише, тише, нас могут услышать! Так ты клянешься?

– Ладно, – нехотя кивнул драконид. – Что там за тайна?

– С самого рассвета, – драматическим шепотом заговорил Тимур, – я все думал, как же это людоежки умудрились так быстро выследить нас посреди глухого леса? Лежал, сравнивал, вспоминал.

– Ну, ну, говори!

– Или вот недавно, когда сорвался твой отличный план,

как додумались эти злобные нелюди выставить засаду под отвесной скалой? И вдруг – словно вспышка в голове, сразу все ясно стало: там, наверху, когда отряд строился перед спуском, не было Тиля! Он пропал куда-то, так, что никто не мог найти. Помнишь, ты еще спрашивал, где он?

– Да, да, – закивал Марат, – спрашивал.

– А потом внизу, откуда ни возьмись, он появился и сказал, что спускался последним. Что опоздал на построение.

– Было дело, – закивал драконид.

– Сегодня мы не можем ни подтвердить этого, ни опровергнуть, – взволнованно продолжал раненый. – Но вот что меня смутило: нынче я подметил, как ловко сладкоголосый Песнопевец обращается с оружием – этому не научишься в один день. И за пару недель тоже не научишься. А до этого он все отнекивался, говорил, что не пристало ему носить автомат. Как по мне, это довольно странно.

Или вот: еще у Сарычевой горки, там, где мы впервые свели знакомство, отряд людоежов шел по вашему следу, как привязанный, заранее зная, куда идет и что там найдет. Я слышал их разговоры, пока они волокли меня за конем.

Марат вспомнил то утро, бой, рукопашную схватку у подножья холма, трофейный миномет... Тогда мирный сказитель Тиль одним ударом ножа отправил к праотцам верзилу-людоежого, когда тот навалился на Марата. Убил вполне умело и умолял никому об этом не рассказывать, ведь песнопевцам запрещено принимать участие в бою.

«Он спас тебе жизнь!» – возмущалось сердце дракониды.

«Один точный удар! – напоминал разум. – Короткий, смертоносный. Ни криков, чтобы испугать врага и укрепиться духом самому, ни беспомощного тыканья острием куда попало. Может, оттого и просил, что понимал: такая ловкость может привлечь внимание любого сведущего бойца».

«Но он спас тебе жизнь!...»

– ...И знаешь что, – продолжал Тимур. – Тогда, у Сарычевой горки, лицо Тиля показалось мне странно знакомым, но я никак не мог вспомнить откуда. Сам понимаешь, на торжищах всегда много лиц, но, кажется, я его узнал. Если память не изменяет, несколько лет назад я видел этого человека в окружении одного из наместников Пророка Аттилы по имени Шерхан. Конечно, я могу ошибаться, но, боюсь, это не простое совпадение. Подумай, может быть, за время знакомства с этим человеком на вашем пути встречались и другие странности?

Марат вспомнил сразу, потому что еще не успел забыть. Подступающие к Трактиру войска людоежов и обнаруженная им и Лешагой засадная колонна, выжидающая нужного момента для удара. Леха тогда был уверен, что кто-то сообщил врагу об их планах, и, что ни говори, певец вполне мог это сделать. Он не был в строю, да и присмотра за ним особого никогда не было. Неужели правда, Тиль, безобидный песнопевец, возвышенный рифмоплет, на деле – хитрый лазутчик, пригретая на груди ядовитая змея?!

– Надо скорее известить Лешагу! – Драконида схватился за автомат, точно готовясь немедленно принять бой.

– погоди! – В голосе Тимура звучала отчаянная мольба. – Не торопись! Если ты сейчас расскажешь обо всем своему другу, это будут всего лишь наши домыслы, глупые ночные страхи. Как гласит мудрая пословица: «Поспесишь – людей насмешишь». А что, если я ошибся? Если Тиль всего лишь похож на воина из свиты Шерхана? Что, если он совершенно честный и ни в чем не повинный человек? Мало того, что мы оговорим его, мы не сможем отыскать настоящего врага, предающего нас.

– Ты уверен, что рядом есть враг? – быстро спросил Марат.

– Я всего лишь караванщик – не мне свидетельствовать в кругу доблестных воинов, но то, что враг есть, ясно всякому, имеющему глаза. Пока не следует беспокоить Лешагу. Все свое время. Нужно тихо проследить за Тилем. Если он ехидна подколодная, то непременно выдаст себя. А уж тогда вместе с Лешагой придумаем, как его половчее окрутить.

– Как это – окрутить?

– Чтобы враг думал, что мы близко, если мы далеко. Что мы сильны, если мы слабы. Что мы не подозреваем о его планах, когда нам известно о них все до мельчайших подробностей. Я бы сделал это сам, – вздохнул караванщик. – Но вот ведь злая судьба, пока я не смогу ходить...

– Я все сделаю, можешь на меня рассчитывать, – гордо

заверил его Марат в упоении от того, что сможет предотвратить затаившуюся угрозу, которой многоопытный Лешага даже не заметил.

* * *

Второй лейтенант Кэйтлин Кин стояла в строю последней. Еще бы – все участники предстоящей экспедиции были выше нее на голову, а то и полторы. Сейчас экипаж скаут-клипера «Железный Арни» проходил инструктаж по средствам личной безопасности – не праздное занятие, исходя из результатов предыдущей высадки на родную планету. Как раз напротив глаз Кэйтлин красовалась голографическая нашивка на плече одного из офицеров – указательный перст, выглядывающий из огненного моря, и гордый девиз скаут-клипера: «Я вернусь!»

Она смутно помнила из курса земной истории, чем так запомнился древним землянам губернатор, прозванный Железный Арни, и почему народы ее прародины с такой надеждой ожидали его возвращения. Странно, но этот привет из Преисподней немного ободрял ее, так же как манера экипажа именовать друг друга неуставным «коммандос». Здесь, в кругу лихих парней, чувствовалось даже не пульсирование жизни – пульсирование было там, за диспетчерским пультом, – тут, в учебном центре, жизнь гремела и вскипала, как кровь в висках при свободном падении.

– Данная модель отличается от принятого на вооружение общевойсковой исследовательского защитного костюма абсолютной гибкостью и надежностью. Он не стесняет движений и вместе с тем имеет четвертую степень бронезащиты. Гелевый наполнитель, заключенный между тремя десятками слоев карбоновой паутины, надежно защищает от любого вида огнестрельного оружия.

Такая конструкция обладает защитными свойствами, в десятки раз превосходящими закаленную сталь такой же толщины. Кроме того, структура геля позволяет избегать забарьерных травм при прямом попадании вражеской пули или осколка, – раздавалось под сводом выставочного зала новинок космической техники. – Как вы сами видите, новая модель оснащена тактическими перчатками, смыкаемыми с общей конструкцией экзоскелета, что придает вашей хватке мощь челюстей аллигатора. Кроме того, костяшки на кулаке армированы стальными вкладышами.

На ладонях вы можете видеть шиповые контакты шокеров на три миллиона вольт, таким вы можете парализовать тиранозавра, похлопав его по загривку. Для удобства лазанья перчатки имеют вольфрамовые когти. Вот, поглядите: надавили большим пальцем сюда, они выдвинулись, еще раз – вернулись на место. Крепление надежное, можете висеть на скале и спокойно завтракать.

Далее, специальная обувь. Кроме упоминавшихся когтей (на ботинках они тоже есть), в каблучки вмонтированы

пружины, увеличивающие длину и скорость шага. Подобное устройство позволит вам бегать со скоростью девяносто миль в час.

Мембранная система комбинезона стандартная, тело дышит, и вместе с тем внешнее покрытие не пропускает влагу снаружи. Тут все традиционно. Куда интереснее шлем. – Инструктор, ходивший меж развешанных защитных костюмов, подошел к столу и похлопал рукой сфероконическое нечто с устрашающей личиной, отдаленно напоминающей оскаленное человеческое лицо. – Форма его идеально позволяет избегать атак сверху, внутренняя подвеска обеспечивает надежную защиту головы от ударного воздействия. Панель наблюдения позволяет видеть в полной темноте, принимать тепловые сигналы живых организмов, четко отслеживать присутствие и расположение своих на местности и многое другое, о чем подробно написано в функционале.

Вместо личины в принципе можно поставить карбонатное прозрачное забрало, но для прикладного использования защитного комплекта все же рекомендую личину. Существует ряд удачных образцов, например «Самурай», «Венецианский карнавал», «Вуду», «Черт»... Забрало стандартно оснащается портативным огнеметом. Боевое применение этого приспособления лично мне представляется сомнительным, но в случае необходимости вы сможете «дать прикурить» недругу на расстоянии до двух ярдов.

Да, вот еще. – Инструктор влез в ближайший защитный

костюм, надел шлем, перчатки... и вдруг исчез. Только сапоги продолжали ходить по демонстрационному залу. – Итак, вы сами видите, что ничего не видите, – насмешливо проговорил наставник. – Если я надену боты, то и вовсе стану незаметен. Даже в упор не разглядите. Достигается это с помощью нанозеркал, вплетенных в нити верхнего покрытия комбинезона. Нечто подобное применялось ранее, только для покрытия корпусов спусковых устройств. Но сегодня очередь дошла до каждого индивидуального защитного костюма. Как сами можете догадаться, я все еще здесь, просто световая рефракция, обеспечиваемая этими зеркалами, обманывает ваш мозг.

Кстати, к вопросу об обмане. На панели шлема расположена шкала температурного режима, с ее помощью вы можете повысить или понизить теплоотдачу скафандра. То есть на максимуме вы сможете растопить лед вокруг себя, на минимуме – для любого тепловизора вы не будете отличаться от окружающего фона.

Все остальное стандартной комплектации: атмосферные анализаторы, довольно мощный пси-проектор. Вещь, я вам скажу, полезная. С его помощью вы можете транслировать вокруг себя любую галлюцинацию. Но в полевых условиях этим лучше не злоупотреблять. Мультики – вещь хорошая, только не забывайте, что они жрут энергию. Подзарядить скафандр на корабле – дело пустяковое, но если батарей с третьим гелием рядом нет, может получиться конфуз.

А этого лучше избегать. Всем понятно?

– Так точно! – рявкнул строй.

Кэйтлин Кин, расправив плечи, прокричала свое «Так точно!» вместе с новыми боевыми товарищами. День, когда клипер с десантной группой на борту устремится из космопорта Эндимион-сити к такой близкой и такой него-степриимной Земле, уже ступил на порог. И уж тогда-то... Кэйтлин сама еще толком не могла придумать, что станет делать на планете, которую еще совсем недавно хотела обратить в пепел. На занятиях по истории цивилизации рассказывали об уловках великих правителей и дипломатов, о хитростях полководцев и просто ловких мошенников. Она слушала, механически запоминала, но в голове метрономом стучало одно неотступное слово – «мечь».

– Твоя цель – Эргез, – вновь и вновь повторяли наставники. – Он нужен живой, и, главное, нам требуется его готовность содействовать возвращению жителей Эндимион-сити на родную планету. Он должен твердо знать, в чем его выгода и что может случиться, если он вдруг решит заартачиться.

Это и есть задача миловидной, хрупкой Кэйт. Она стояла в одном строю с тремя десятками лучших из лучших и, точно магическое заклинание, повторяла гордый девиз скаут-клипера: «Я вернусь!»

– ...У вас есть двенадцать часов для полного освоения вашей новой кожи. Как по мне, так времени даже с избытком. Но приказы, как принято у нас, не обсуждаются, а ис-

полняются быстро, точно и в срок. Поэтому вперед, господа офицеры, займитесь делом! Коммандос Кин, ко мне, бегом марш! Для вас в скафандре предусмотрены некоторые отличия. – Инструктор с иронией взглянул на хрупкую десантницу: – Нечто вроде боевой косметички быстрого разворачивания.

* * *

Чингиз остановился, перевел дух после долгого бега и осмотрел ближайшие деревья.

– Ночевать будем здесь.

Двузубый хотел было возразить, что, мол, в беспроглядной темноте самое время идти, не опасаясь погони, что в Трактире уже могли хватиться и любое промедление может плохо кончиться. Слова уже крутились у него на языке, однако возразить сыну Пророка он так и не решился. Что значит боевой опыт перед словами того, кому открыты замыслы Творца Предвечного?! В том, что открыты, воин не сомневался. Естественно, Аттила наделил единственного сына своим могуществом. Как же иначе?

– Принеси жерди, – между тем командовал помощник Библиотекаря. – Крепкие ветки: четыре короткие, по длине чуть больше толщины этих деревьев, и две длинные.

Спутник молча повиновался. Ясно, будут сооружать походную лежанку: закрепить поперек ствола короткие жерди,

между ними проложить длинные, все это увязать, затем натянуть веревочную сеть, поверх накидку и лапник – вот лежище и готово. Не абы что, а все не на сырой земле спать. Двузубый удалился в лес, и, как только он скрылся из виду, из-за ближнего дерева выступила фигура, дотоле полностью скрытая за замшелым стволом. В руках человек держал заматанную буро-зеленой бахромой снайперскую винтовку.

– Вы шли в хорошем темпе, – похвалил незванный гость. – Я, пожалуй, даже немного притомился.

– Благодарю за похвалу, Учитель.

– Ответь, почему ты решил отступить от первоначального замысла?

– Непременно, мудрейший. Но прежде скажи мне: ты знал, что мой отец – Аттила?

– Предполагал.

– Ты говорил, что нашел меня в лагере среди убитых, но ни словом не обмолвился, что именно ты убил тех, кто охранял меня.

– Если быть точным, не я один, но сути дела это не меняет.

– И ты похитил меня, чтобы досадить отцу? Каков бы он ни был, но это был мой отец!

– Нет. Я думал найти его на горном стойбище. Он был моим врагом, предал наше общее дело, из-за него погиб мой побратим. Да и меня самого он не однажды пытался убить. Так что я шел за ним, но, увы, не обнаружил. Когда он вернется, было неизвестно, а оставлять тебя умирать среди кам-

ней, беспомощного, точно слепой котенок, было бы неправильно.

– А всех прочих? – спросил помощник Библиотекаря. – Двузубый рассказал, они умирали, не успев проснуться, не успев взяться за оружие!

– Так и было, – безучастно подтвердил Хранитель Знаний. – Глупо подвергать опасности своих, жалея врага. Их было во много раз больше, чем нападающих, они были вооружены. Если бы успели прийти в себя, открыли бы стрельбу. Прикончили или подранили бы кого-нибудь из нас троих. – Седой Ворон чуть задумался, припоминая. – Вернее, четверых... Зачем рисковать своими головами, когда идешь за чужими?

– А я был слишком мал, чтобы взяться за оружие? – продолжил Чингиз.

– Верно. – Старец отступил мягко, едва заметно, словно тигр, готовящийся к прыжку. – И что же, узнав это, ты решил отомстить мне?

– Ты спас меня от смерти, вырастил, обучил, дал знания, открыл множество тайн бытия, по сути, стал мне вторым отцом, – грустно покачал головой сын Аттилы. – Трактир был моей родиной. – Он на мгновение задумался. – Я почти не помню гор. Но теперь, когда Пророк мертв, я считаю себя вправе побороться за отцовское наследие. Ты можешь убить меня или отпустить.

– Ты слишком мало знаешь о людозогах, – нахмурился

Библиотекарь. — Они коварны и безжалостны.

— Ты хорошо готовил меня, второй отец, и мне есть что противопоставить их коварству. Обо всем остальном, что может иметь значение, мне расскажет Двузубый. Для этого он мне нужен живой и здоровый. Поверь, если замысел удастся, я навсегда положу конец распрям.

— Вряд ли у тебя получится...

— Тихо, — прошептал Чингиз. — Двузубый возвращается. Если не удастся мне, то не удастся никому. Но если получится, это будет настоящая победа для всех.

— Что ж, действуй, — кивнул Седой Ворон, с уважением и грустью поглядел на приемного сына и бесшумно скрылся за деревьями.

Несокрушимый появился из-за кустов.

— Я слышал тут какой-то говор, — насторожился он, сбрасывая на землю жерди и хватаясь за автомат.

— Дух Леса, — не меняясь в лице, проговорил Чингиз. — Опusti ствол, не гневи его. Попытаешься отыскать — тебе не жить. Но он обещал нам свою защиту.

Глава 5

Арслан, сын Айшата, командир личных телохранителей владыки правоверных Эргеца, после смерти Пророка назначенный командовать Несокрушимыми, спустился по гулким деревянным ступеням походного дворца ньок-тенгера. Один из стражей, увидев прославленного военачальника, кинулся подвести ему горячего жеребца, но командующий жестом остановил его. Встреча с властителем не шла у него из головы. И, что самое противное, он никак не мог понять, что же именно так его зацепило.

Он воевал сколько себя помнил, и, прямо сказать, получалось это у него лучше, чем у остальных. Не зря он носил титул Арслан Победоносный. И все же командовать всей гвардией Несокрушимых – честь, о которой прежде он мог только мечтать. Но разве его многолетняя преданная служба недостойна такой награды? Он всегда был верен, и не было ему счастья большего, чем в точности исполнить волю повелителя.

Но эта горянка, кажется, ее зовут Чандра, жена отступника Атиля... Еще мгновение, и Эрgez приказал бы зарезать ее, как ягненка перед священным жертвенником. Ему почему-то вспомнилось, как несколько дней назад он вышел на крыльцо и увидел эту бедную женщину, перевязывающую стертые в кровь ноги гонца. Совсем мальчишка, он сидел пе-

ред ней, сцепив зубы, едва сдерживаясь, чтобы не заорать от боли. А она прикладывала к ранам какую-то разжеванную траву и, что-то приговаривая на своем диковинном языке, обматывала кровоточащие ступни полотняными полосками. И вот в ее крови нужно было смочить такой же клочок тряпки и отослать для устрашения осужденному на изгнание мужу!

Что-то в этом неправильно. Да спасет Пророк его душу, но все же так нельзя. Арслан тряхнул головой, понимая: если бы кто-то решил убить добрую женщину, перевязавшую его собственные раны, то при случае он бы всяко стоял за нее горой и без колебаний прикончил стервеца.

Мысль была отрадной, но, будто наказание за тайную крамолу, в глубине сознания с лязгом открылась потайная дверь, а за ней лица, лица... Из глубочайшего провала забвения один за другим выходили те, кто за годы боев нашел смерть от его руки. Он и сосчитать не мог, сколько их было: молодые, старые, мужчины, женщины, вооруженные и безоружные... Все они были врагами Пророка, все не желали открыть сердце истинной вере и тем самым осмеивали милосердие его. Они недостойны были счастья жить и потому умерли. Он лишь привел в действие оружие, исполнившее волю Творца Предвечного.

Отчего же вдруг сегодня дрогнуло сердце, неужели в неведомом каземате души не осталось места для новых пустоглазых мертвецов? Он резко одернул себя, укоряя за малоду-

шие и минутную слабость. «Чего мудрить, просто она хороша собой, если приглядеться, а он мужчина – вот и прокрался в сердце тонкий ядовитый червь похоти. Нужно призвать ее к себе в шатер, насладиться ее телом и выгнать, как гонят от стола шавку, обтерев руки о ее шерсть!»

Он вдруг сбавил шаг, эта мысль отчего-то больно ужалила его. «Конечно, я не призову горянку в свой шатер, как бы ни была она хороша собой». Предводитель гвардии попытался вспомнить, похвалялся ли кто из Несокрушимых утехами с Чандрой? Право имел каждый... Немой вопрос так и остался без ответа. «Неужели никто из храбрецов не опрокинул ее на тюфяк? Вот же диковинный случай! Быть может, потому, что наместник Шерхан – отец ее мужа, а статья может всякое? Это вряд ли. Никто из них не знает, наступит ли завтрашний восход или придется встретить его уже в лучшем мире».

Он вдруг отвлекся. Где-то поблизости стайка юнцов с улюлюканьем гнала дичь – малолетнего быстрого мальчика, резво улепетывающего от недругов. Те кидали ему в спину ветками, шишками, даже камнями, если таковые подворачивались под руку. Но попасть удавалось редко. Беглец шарахался из стороны в сторону, ловко меняя направление движения, если обидчики пытались окружить его. Да это же сын отступника Атиля! Воин сдвинул брови. Черные, густые, почти сросшиеся на переносице, они придавали и без того суровому лицу вид мрачный и свирепый, так что

мало находилось храбрецов, осмеливавшихся глядеть ему в глаза в минуты гнева.

– А ну, пошли прочь! – рывкнул он, поднимая висевшую на запястье нагайку. Мелюзгу не пришлось упрашивать, каждый понимал: захоти Арслан отходить любого из них туго свитой кожаной плетью, ничто не помешает сделать это. – А ты – ко мне!

Сын отступника понурил голову, но повиновался. Воину понравилось, как тот шел. В нем чувствовалась отрешенность, готовность к худшему, но не было страха.

– Смотри мне в глаза! – приказал боевой командир. Мальчишка вскинул голову, пожалуй, слишком дерзко для пленника, живущего из милости. – Почему ты бежал? Почему не дрался?

– Мне запрещено принимать бой.

– Ишь ты, – усмехнулся командир Несокрушимых. – А было бы не запрещено – принял бы?

– Противников было много, – тихо отвечал юнец, – слишком много на одного.

– Ну вот, уже на попятную, – с презрением в голосе оскалится глава Несокрушимых.

– Вовсе нет! – В голосе мальчишки слышалась плохо скрываемая обида. – Когда они бегут, мешают друг другу, а если даже кому-то удастся меня догнать, мы остаемся один на один.

– Разумно, – согласился опытный военачальник. – Но это

всего лишь слова. Эй! – Он повернулся к задирам, подглядывающим издалека. – Вот ты, длинный, бегом ко мне!

Самый крупный из обидчиков стремглав бросился к начальнику личной стражи властителя правоверных.

– Склоняюсь перед тобой, могущественный амир, – заученно пролепетал он, приближаясь на дистанцию сабельного удара.

– Ты сможешь побить этого ничтожного?

– А то!

– Даже если он будет сопротивляться?

– Только прикажи, высокий господин.

– Хорошо, сделай это. Можешь даже убить его, если получится.

– Его запрещено убивать, – чуть слышно напомнил юнец.

– Это не твоя забота, ты выполняешь мой приказ! – оборвал грозный воин. – Но помни: он может противостоять тебе, как сочтет нужным.

Крепыш расплылся в хищной улыбке, сочтя приказание забавной шуткой, и тут же бросился на стоявшего, насупившись, мальчишку. Он вытянул руки перед собой, пытаясь ухватить жертву за отвороты латаной рубахи. Тот, не двигаясь с места, качнулся, ушел вниз, зацепил противника под колени, ткнул в живот плечом, и верзила с грохотом рухнул наземь. Едва коснулась травы его спина, маленькая нога сына отступника уперлась пяткой в кадык обидчика.

– Мне убить его? – предвкушая утвердительный ответ,

спросил победитель.

– Оставь, – махнул рукой воин. – Пошел! – Он позволил поверженному встать, дал увесистого пинка и крикнул вслед: – Этого больше не обижать! Если кто посмеет, вырежу сердце и скормлю псам! – Затем, когда униженный верзила скрылся за деревьями, Арслан повернулся к понурому сыну рабыни: – Кто тебя так научил?

– Никто, – с простодушной откровенностью ответил тот. – Просто я столько раз представлял, как сокрошу обидчиков, столько раз сам с собой повторял правильные движения, ну и вышло все как надо.

– Забавно. – Арслан хлопнул себя нагайкой по высокому сапогу. – Стало быть, сам. Что ж, это хорошо. Ты учишь Завет Последних Дней?

– Да. Когда все прочие слушают наставления учителя Закона, сидя на кошмах, мое место с собаками в углу. Но у меня хорошая память.

– Ты знаешь, кто такой Аттила?

– Пророк Творца небесного и властитель правоверных, – бойко отрапортовал мальчишка.

– А Эргез?

Его собеседник чуть замешкался, подыскивая слова.

– Наследник Аттилы.

– Что ты скажешь о ложных богах? Например, о каменных богах твоей матери?

– Я слишком мал, чтобы судить о столь великом, но, ес-

ли бы боги моей дорогой матери имели силу, они бы спасли ее, даровали ей покой и добрую еду.

Воин насупился, чтобы скрыть улыбку. Сын отступника был не только ловок, но и умен не по годам.

– Хорошо, – наконец проговорил начальник стражей Эргеза. – Беги к матери, скажи ей, что я, Арслан, сын Айшата, с этого дня беру тебя стрелянным и сам буду учить тебя воинскому искусству и Закону.

– Но... – Мальчишка запнулся. – Нам совершенно нечем платить за науку. И позволит ли ньок-тенгер?..

Воин не удостоил его ответом, лишь повернулся и зашагал по своим делам. «Если боги ее имеют силу, они дадут горянке лучшую долю и добрую пищу, – крутилось у него в голове. – Неужто через меня эти каменные длинноухие боги вершат свою волю на Земле? Быть может, стоит отказаться? Еще не поздно. Просто оттолкнуть этого не в меру смышленного упряма. Тем более он не только сын отступника, но и внук Шерхана. А тот в опале».

Ему вспомнилась недавняя встреча с наместником Крыши Мира. Гордый Шерхан никогда не смиритсся с тем, что не он унаследовал власть над правоверными, хотя другие так или иначе покорились новому владыке. А если вдобавок прознает, как обстояло дело там, в болотном краю, в день вознесения Пророка...

Арслан резко вскинул голову, надеясь избавиться от воспоминаний. «Нет, все это блажь. Моя верность Эргезу непо-

колебима, и если я беру себе ученика, то вовсе не по воле каких-то бессмысленных идиологов, а лишь потому, что мальчишка достоин быть воином. А когда-нибудь, возможно, и величайшим среди воинов».

* * *

Всадники остановились у берега. Широкая полноводная река быстрым серым потоком несла свои воды к далекому Ледяному Пределу. Когда наступали холода, лед сковывал ее, превращая в огромный караванный путь. Лишь местами, там, где подо льдом из-под земли били теплые источники, открывались коварные промоины, готовые поглотить груженные сани. Но опытные караванщики, а тем более стражи хорошо знали места припорошенных снегом ловушек. Когда же лед таял и сбивался в верховьях непроходимыми темно-серыми холмами, вода широко разливалась, подмывая низкий берег и образуя множество озерков, постепенно обращавшихся в болотца. Пересыхали они лишь в самую жару, да и то не всегда, а сейчас их было множество вокруг. Людям соваться туда не следовало – места змеиные. Но зато ловить в этих вымоинах рыбешку было легче легкого.

Марат отправился на промысел, а Лешага стал глядеть за реку. Можно, конечно, попробовать переправиться верхом или вплавь, держа коней за узду. Но течение слишком быстрое. Шла бы речь только о нем и Буром, уже б давно

стояли на том берегу. Но Лил, старуха и раненый в таком деле – изрядная помеха. На закорки их не возьмешь и на тот берег не перетащишь. Можно соорудить плот, но это долго. Да и управляться с ним – дело непростое. Сплавляться вниз по течению – иное дело, а с берега до берега перевоз нужен, веревки, блоки. Лешага пожалел, что рядом нет лейтенанта Нуралиева, тот бы знал, как наладить переправу. Однако новоиспеченный комендант Трактира оставался за несколько дней пути отсюда, на своем боевом посту, а выкручиваться приходилось здесь и сейчас. И добро бы, на ту сторону нужно было переправить только людей, псов и поклажу – может, управились бы и с плотом. А коней, их-то куда девать? Течение сильное, наверняка снесет. Да и берег с той стороны повыше этого, не выберутся. Не бросать же здесь.

«Но все же поблизости какой-то брод должен быть. Людожоги перебирались, причем перебирались верхом. – Лешага поглядел из стороны в сторону, дабы убедиться, что не прозевал позабытую или неприметную переправу. – Где-то она есть. – Он прикрыл глаза и начал осматривать округу верхним зрением, постепенно расширяя ареал поиска. – Конечно, проще было бы спросить у Тимура, он-то должен знать. Но тогда прощай весь замысел. Если тот догадается, что им нужен Эргез, постарается затащить в засаду. А с таким войском в стычки лучше не ввязываться, надо водить противника за нос, пока тот не окажется на дистанции единственного, но неотвратимого удара. А до тех пор надо прикиды-

ваться недоумками, чтобы обеспечить себе безопасный проход по вражеской территории. Пусть Тимур думает, что он контролирует ситуацию».

Лешага рассматривал округу в попытке найти следы движения отряда всадников. Как бы то ни было, хоть лес и велик, а все ж десятки верховых – не иголка в стоге сена. Он уже достиг взглядом диковинного сооружения с погруженными в воду большущими колесами. Когда-то Марат говорил, что видел эту странную постройку через хитрые стекла наблюдательного пункта Монастыря. Кажется, благодаря вращению колес в этом непонятном сооружении коридоры и комнаты бункера освещались бледным желтым светом.

Колеса, как было и раньше, крутились, но прежде их покрывал дощатый настил. Теперь, после набега зверолодов, он был сожжен. Возможно, монахи, охранявшие это место, отошли на противоположный берег, спалив за собой мостки. Будь времени побольше, перелаз несложно было бы восстановить. Но сути дела это не меняло: надо искать переправу, а Леха, как бы ни силился, никак не мог ее разглядеть.

– Я тут поесть кое-чего принес! – раздался неподалеку голос Марата. Лешага обернулся. Он видел его еще у змеиной промоины, однако, увлеченный поисками, не обратил внимания. Чешуйчатый подошел со связкой наловленных рыб и переброшенными через плечо тремя гадюками с откушенными головами. На другом плече дракониды висела скукоженная плоская сумка, по виду не один год пролежавшая

в земле.

– А это еще что?

– Там, в промоине, – затараторил любитель-рыболов, радуясь вопросу, – опрокинутая железная повозка. Я тебе рассказывал, из тех, что в прежние годы без лошадей или быков ездили. Лежит набоку, колеса врасстырку, стекол нет. Задняя часть раскурочена, даже ось вывернута. А в этой повозке два скелета. Вот на одном эта штукавина и была. Там у них и автоматы валялись, у одного и короткоствол был. Но нам от их оружия толку нет, совсем никуда не годные, – довольный находкой, тархтел Марат. – Я вот что подумал: такие повозки чаще всего по твердым дорогам ездили, а не просто так, по земле.

– Ты хочешь сказать, что где-то здесь до Того Дня была твердая дорога? – насторожился Леха.

– Ну да! А если была дорога, то она совершенно точно вела к переправе.

– Но поблизости никаких следов моста, – возразил ученик Старого Бирюка.

– Смотри! – Драконида стал в гордую позу, по его мнению, подобающую ученому мужу, открыл сумку, вытащил оттуда запаянную в какое-то гибкое стекло разрисованную бумагу. – Это называется карта. Я в ней, правда, мало что понимаю. Но вот это синее – точно река, а зеленое – лес.

– Так и есть, – раздалось поблизости. Лешага резко повернулся, вскидывая автомат. Это была всего лишь Асима,

но Леха не слышал, как ведунья подошла, и это ему не понравилось. – Он говорит правду: такие повозки в прежние времена назывались автомобилями. На заставе, где я выросла, был один такой. Он мог мчаться быстрее любого коня. Но без горючей воды превращался в бессмысленный кусок железа. У нас были и горючая вода, и автомобиль, но куда было ездить, – будто не замечая гримасы на лице предводителя отряда, горестно покачала головой старуха. Должно быть, воспоминания далекой юности все дальше уносили ее от сегодняшнего дня.

– Ты начала говорить о карте, – напомнил Леха.

– Позволь, я гляну. В давние годы наш Учитель рассказывал о них и кое-что показывал.

– Мне тоже показывал, – буркнул Леха и даже захотел продемонстрировать подарок Библиотекаря, но счел подобное хвастовство неуместным.

Асима только улыбнулась, приняла из лап чешуйчатого карту и стала рассматривать.

– Да, здесь поблизости когда-то проходила дорога, – разглядывая трофей, произнесла умудренная годами женщина. – Она вела к Базе, той самой, что нынче захватили прорвы. Но это была секретная База, и потому дорога тоже была секретная. Впрочем, часть бетонного покрытия возле самой ее границы все еще сохранилась. – Леха скривился, вспоминая попытку силой прорваться за Барьер Ужаса. – Вот, погляди, – мягко продолжала Асима, – эта прерывистая линия

и есть дорога. Вот тут она пересекает реку и уходит дальше в те самые земли, откуда приходят людоегои.

– Ты что же, хочешь сказать, что здесь в реке брод? – покачал головой Лешага. – Это вряд ли. Даже если он там есть, с таким быстрым течением через пережат идти опасно. Да и не стоит лезть в серую воду. Раз искупаешься, потом три руки дней чесаться будешь, а то и вовсе язвами пойдешь.

– Так было прежде, – покачала головой Асима. – Но на карте обозначен не брод, а скрытая переправа.

– погоди, скрытая переправа, которая была еще до Того Дня? – удивился Леха.

– Именно так.

– И людоегои знают о ней?

– Как видишь, знают.

– Но откуда?

– Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, куда на том берегу тянется дорога. Ее уж точно строили не просто так. Чужие здесь не ездили.

– И ты знаешь, куда она ведет?

Асима со вздохом покачала головой:

– Откуда мне знать? Я не ходила за реку. Может, Лил увидит больше.

Лешага удивленно поднял брови. Что такого может знать его подруга, большую часть жизни проведшая в уединенном селении на холме среди лесной глухомани?

– Не время удивляться, – по достоинству оценив выраже-

ние его лица, хмыкнула старуха. – Ты еще многого не знаешь о той, которая выбрала тебя.

– Выбрала меня? – возмутился было Леха, оглядываясь на Марата, как на союзника и свидетеля. – Да если хочешь знать...

– Зачем же, – перебила его ученица Седого Ворона. – Я и так знаю больше, чем ты можешь себе представить. Ты уже, наверное, и сам догадываешься, что доступное взору – лишь малая часть реального. И не самая значимая часть. – Она подняла руку: – Ты видишь кулак и чувствуешь угрозу, но не знаешь, что внутри. – Она разжала пальцы и протянула Лешаге красную ягоду на ладони – Съешь, вкусная. И спроси у Лил, что она видит, глядя на эту разрированную бумагу.

Глава 6

Двузубый сидел у костерка, положив автомат на колени. Он готов был дежурить всю ночь, охраняя сон благородного сына Аттилы, но спаситель отказался наотрез – полночи вот так же сидел, вслушиваясь в темноту, то и дело подбрасывая в потрескивающий огонь сухой хворост. Двузубый старался не подавать виду, как он смущен и поражен таким поведением наследника Пророка.

Его нимало не удивила способность Чингиза общаться с лесными духами. Человеку такой крови и таких познаний, конечно, открыто многое, что прочим и не снилось.

Давным-давно, когда воины Аттилы пришли в горное селение, требуя признать веру Пророка единственно истинной, его земляки тоже поклонялись духам. В каждом ручье, в каждой скале, в дереве и даже травинке жил свой дух. Одни были свирепыми и требовали жертв, другие – милосердными и сами приносили себя в жертву, помогая человеку. Но выше всех стоял огромный каменный бог, выросший из скалы неведь когда и принявший человеческий облик силой непоколебимой воли. Именно он спасал людей в часы, когда потоки раскаленной лавы грозили уничтожить все живое.

Этот бог был добр, и каменные изваяния его, наполненные созидательной мощью, никогда не требовали кровавых жертв. Лишь мед, гирлянды из цветов и свежее молоко.

Правда, облик его был непривычен жителям окрестных селений. Мочки ушей оттягивались так низко, что едва не достигали плеч. Бог сидел в глубочайшей задумчивости, сложив руки перед собой и скрестив ноги.

В деревне шептались, что в Тот День он снова отвел беду от своего порога: уселся вот так, закрыл глаза, не желая видеть смерть и разорение, и остановил беспощадные валы надвигающегося океана. Молчаливым повелением он отвел падающий с неба огонь и разогнал тучи, полные ядовитого дождя. И пока Спаситель Мира так сидит, превращая ужасы этой жизни в свой долгий каменный сон, его народу ничего не угрожает.

Потом в горы пришли солдаты, разогнали местных лучников и сказали, что каменный бог — лишь старое изваяние, толку от которого меньше, чем от глиняной плошки. Велик лишь Аттила, в честном бою одолевший коварного Ноллана и вооруженною рукой изгнавший его с Земли. Только он знает истину и видит путь, ибо ведет беседу с Творцом Небесным.

Некоторые пытались сопротивляться. Они погибли сразу же. Впрочем, Двужубый почти не помнил этого: когда люди Аттилы заняли селение, он еще сидел на руках у матери, прятал лицо у нее на груди и поднимал рев при виде незнакомцев в черных шлемах.

Вряд ли кому-то могла прийти мысль, что когда-нибудь он, сын горного народа, тоже наденет черный шлем

и займет место в строю Несокрушимых. Во всем селении никто и подумать не мог, что именно ему выпадет немалая честь состоять при сыне самого наместника, великого и могучего Шерхана. А уж о том, как дальше повернутся события, никто не догадался бы и за руку дней до той самой ночи...

События тех дней он помнил как сейчас. Однажды после охоты он и его напарник Тимур уговорили молодого Атиля Песнопевца укрыться от непогоды в родном селении Двужубого.

Откуда им было знать, что в тот момент, когда Атиль войдет под крышу общинного дома своего телохранителя, навстречу ему с кувшином холодной воды выйдет Чандра, соседская девчонка, едва-едва простившаяся с деревянными куклами и надевшая яркий наряд взрослой девушки. Черные очи под длинными изогнутыми ресницами, нежные губы и гордая походка Чандры настолько восхитили сына наместника, что тот провел в селении не одну ночь, а от луны до луны. Затем приехал вновь, и еще...

Спустя полгода он и Тимур сопровождали Атиля глубокой ночью к уединенной скале, из которой рос длинноухий каменный бог. В доме Шерхана полагали, что пристрастившийся к охоте наследник терпеливо подстерегает грозного барса или увлеченно преследует робкую лань.

А «робкая лань» в одежде молодой жрицы, в венке из белых цветов ждала его у ног Спасителя Мира, дрожа то ли

от полуночного холода, то ли от страха. Атиль примчался, соскочил с коня, склонил голову перед любимой, и та перед лицом бога и людей надела ему на шею гирлянду, признавая своим мужем и повелителем. Юный воин окутал плечи де-вушки яркоцветным покрывалом и перепоясал золотым пояском, затем дал испить своего вина и съесть половину своей лепешки, величая женой и владычицей сердца. Отныне лишь он мог одевать, кормить и поить эту красавицу, лишь он мог снимать поясок, обнажая ее тело. Потом...

Двузубому и вспомнить сейчас странно, что думал он тогда, глядя на молодого господина и прелестную Чандру. Еще бы! Совершая давний обряд, он желал им счастья, и сердце его пело, радуясь союзу, заключенному у ног каменного бога.

Потом, лежа перед Эрgezом в напитанной кровью пыли с иссеченной плетью спиной, посыпаемой солью, он выл от боли и твердил, что лишь выполнял приказ и сопровождал господина. Затем, едва держась на ногах, клялся в верности, красной слюной плевал на привезенного из какой-то горской деревни ушастого бога и присягал на холодной стали хранить верность Пророку и умереть за него.

Но, несмотря ни на что, он помнил ту ночь, сияющие глаза наследника Крыши Мира и юной жрицы каменного бога.

«Не иначе, – помешивая уголья в костре, думал бывший арестант, – Аттила, зная правду, теперь посылает мне испытание, чтобы я на деле показал, крепка ли моя верность.

Не может быть, чтобы такая встреча случилась просто так, без всякого смысла! Но ведь сын властителя правоверных говорит с лесными духами, как со мной. — Мысль, совершив круг, вернулась к началу. — Тогда выходит, прежде нас учили неверно. Может, истинное учение передается не из уст в уста, а голосом крови?»

Двузубый задумался, глядя, как прожорливые языки пламени торопливо утоляют ненасытный голод свежей охапкой хвороста. По эту сторону реки, в глухом лихолесье, он чувствовал себя как рыба в воде и не слишком боялся ни зверя, ни гада ползучего, ни ядовитых трав и ягод. Но духи, о которых шептались в его родном селении, всегда тревожили его. Он чувствовал, не мог объяснить как, точкой между лопаток чувствовал, что не одинок даже в самом пустынном лесу! Деревья смотрели недобро, ощущая наперед гибельный удар топора и смерть во всепожирающем пламени. А может, и сами присматривали добычу. Лесной дух обещал хранить их сон, и это сильно облегчало ночную стражу.

Но что делать завтра, куда идти? Долг, который ему с таким усердием вколачивали в спину, требовал вести знатного спутника к Эргезу, с недавних пор ставшему наследником Пророка. Вот только неведомый прежде внутренний голос все время приставал с одним и тем же вопросом: пожелает ли новый властитель склонить голову и добровольно отдать Чингизу все, что принадлежит тому по праву рождения? Или не моргнув глазом объявит самозванцем и прикончит

их обоих, чтобы не возбуждать пустых разговоров. У Пророка может быть только один наследник, и это он – Эрgez!

Двузубый вспомнил могучего Шерхана. Когда залитый кровью телохранитель его сына валялся на земле, подавая слабые признаки жизни, тот молил Пророка сжалиться над последним из десяти его сыновей или хотя бы дать возможность самому покарать отступника. Аттила был непреклонен, и торжествующая усмешка Эргеza в тот миг не укрылась от затуманенного взора полуживого воина.

Что с ними будет? Неведомый прежде голос уже дал ответ, столь же безнадежный, сколь похожий на правду. Взмах отточенной стали, и гроздя священной крови на пожухлой траве – вот и все. Кто стоит на пути ньок-тенгера – лишь ходячий труп, потрудившийся услужливо принести собственное тело под удар его сабли.

«А меня, – с затаенной горечью подумал Двузубый, – а меня он объявит изменником, скажет: его сломили в плену у иноверцев. Кто посмеет противоречить властителю правоверных? Чего стоят мои слова и клятвы, если на второй чаше весов – воля Непогрешимого? Так дело не пойдет! – Двузубый подбросил в огненную пасть новую порцию сухого корма. – К Эргеzu нельзя. Есть только один человек, который сможет подтвердить, что служитель Библиотекаря действительно Чингиз, сын Аттилы. И не только подтвердить, но и поддержать при необходимости его права силой оружия. Это Шерхан, наместник Крыши Мира, да удлинятся безмер-

но дни его и усладятся ночи! А значит, решено! Сам Аттила, глядя с небес, неслышным голосом подсказал мне верный путь! И да будет так!»

Шли путники ходко, точно и не буреломный лес простирался кругом, а прямая утоптанная дорога ложилась под ноги. Седой Ворон про себя сетовал, что годы молодости остались позади и сейчас приходится прилагать немалые усилия, чтобы не отставать от Чингиза и его провожатого. Степь все время напоминала о себе длинными языками пустошей возле быстрых речушек, берущих начало высоко в горах. Те стекали по отрогам Срединного Хребта, студены даже в самую жару, коварные, притягательные, манящие серебряной пылью брызг. Иной полезет освежиться в жаркую пору, да тут сердце его от ледяной воды и остановится. Но той все нипочем, весело несется вдаль, не оглядываясь на человеческие радости и невзгоды.

Двузубый шел так, будто ноги его знали эти места куда лучше, чем голова. В этом краю ему были прекрасно известны и пути рек, и человечесьи тропы. Седой Ворон неслышно следовал за странниками, досадуя, что проводник неразговорчив и предпочитает отмалчиваться, быть может, не решаясь лишний раз потревожить благородного сына Пророка.

Тропа от предгорий неспешно поднималась все выше, узким змеиным следом вилась меж замшелых скал. Срединный Хребет никогда не славился высотой, и леса покрывали

его почти до самых вершин. Глядя сверху, вряд ли разглядели бы упрятанную на дне ущелья дорожку. Но тот, кому следовало знать, где скрыт узкий проход, знал и поэтому был начеку.

Едва Двужубый со спутником оказались по ту сторону Хребта, всадники появились, будто кто-то щедро вытряхнул их из рукава. Двужубый насчитал десятков верховых, стремглав высыпавших из-за ближайшего взгорья и быстро окруживших лесных странников.

– Оружие на землю! – потребовал командир разъезда. – Кто такие? Куда направляетесь?

Двужубый забросил автомат за спину, неспешно сделал шаг навстречу всаднику, скрестил руки перед собой и начал выделывать странные антраша, будто танцуя без музыки. Должно быть, подобные движения работали здесь универсальным пропуском, ибо суровый командир чуть заметно кивнул, будто оттаяв.

– Ну, положим, ты из наших. А это кто таков?

Несокрушимый задохнулся от возмущения: как смеет этот наглый десятник без должного почтения говорить об истинном наследнике Пророка?!

– Убери руки! – рявкнул он, увидев, что командир патруля тянется проверить дорожную сумку Чингиза.

– А ну, не указывай тут! – огрызнулся в ответ всадник, и не думая останавливаться. – Ты и сам не пойми кто, вроде и наш, а может, и не наш. – Он повернулся к своим людям

и скомандовал: — Взять его! Приедем, на месте разберемся.

Командир разъезда, по всему виду, был не первый день на службе, но до Чингизова тело-хранителя ему было дальше, чем пешком до Ледяного Предела. И потому он допустил сразу две ошибки: приказал схватить человека, знающего условный сигнал личной стражи Пророка, а затем повернулся к нему спиной, на мгновение упустив из виду. Глаза Двузубого потемнели. Не тратя больше времени на разговоры, он с шагом перехватил запястье вытянутой руки противника и тут же провернулся, выдергивая недруга из седла и ломая ему кисть.

«Однако! Сразу видна старая школа», — прошептал Библиотекарь, притаившийся меж камней над выходом из ущелья. За то время, пока он говорил это, Двузубый проскользнул под конским брюхом, увернувшись от атаки ближайшего патрульного. Седой Ворон увидел, как в его руке блеснул нож, и он довольно чувствительно воткнул незамысловатое оружие в конский зад. Животное вздыбилось, возмущенное столь непочтительным обращением, и еще один людожог грохнулся наземь.

Хранитель Знаний огорченно покачал головой, наблюдая, как его ученик и помощник, действуя прикладом и пламегасителем автомата, свалил еще двоих неприятелей, как тянутся к нему не на шутку разъяренные стражи перевала.

В одно движение он расчехлил добрый старый «винторез». Еще мгновение — патрон в патроннике, и не утратив-

ший зоркости глаз уже ищет цель в сетке оптического прицела. Выстрел прозвучал не громче, чем хлопок в ладоши. В пылу схватки, пожалуй, никто не услышал его, но крупный всадник, готовый прыгнуть из седла на спину Чингизу, покачнулся и рухнул с простреленной головой. Нога погибшего запуталась в стремях, и ошалевший конь припустил галопом, утаскивая по камням труп хозяина. Еще выстрел. Интегрированный глушитель снайперской винтовки скрыл звук, но действие от этого не стало менее разрушительным. Еще одно бездыханное тело обмякло и сползло на землю. А затем еще и еще одно. Те, кто по неосторожности оказались поблизости от сына Аттилы, бросились врассыпную, понимая, что в противном случае их часы сочтены.

– Остановитесь! – вслед им кричал Двузубый. – Преклоните колени! Не люди, но сам Творец карает вас, и он достанет ослушников, где бы те ни скрылись! Пред вами Чингиз, сын Аттилы, склоните колени – и будете жить!

Тщетно. Лесная застава уже в страхе гнала коней от проклятого места. Сам Двузубый, преклонив колени, стоял над распростертым телом одного из убитых, разглядывая пулевую рану в основании черепа. Места для пустых домыслов не оставалось: несчастный был поражен не молнией, не огненной стрелой, а самой обычной пулей. Вот только... Телохранитель готов был поклясться, что выстрела не было, уж он-то их слышал предостаточно, и даже много больше того. В ином случае он бы удивился, но здесь и сейчас ему бы-

ло совершенно ясно, что Аттила с небес карает недостойных, посягнувших на его сына. «Я все делаю правильно! – в душе возликовал он. – И горе тому, кто заступит мне дорогу!»

Между тем Седой Ворон по старой привычке аккуратно собрал гильзы и положил их, предварительно замотав, чтоб не бренчали, в холщовую сумку на поясе. Он поглядел, как Двузубый, поднявшись на ноги, почтительно склоняет голову перед его помощником.

– Теперь у нас есть кони, мой повелитель. Если пожелаете, мы возьмем их и вскорости будем у вернейшего из слуг вашего отца.

– Пожелаю, – кивнул Чингиз.

– А с этими что делать? – Несокрушимый указал на стонущего от боли командира разезда и еще двух оглушенных неприятелей, валявшихся на земле. – Только скажите, я перережу им глотки.

– Ни к чему, – отмахнулся сын Аттилы. – Если Господь сохранил им жизнь, значит, у него еще есть планы на эти отбросы.

Помощник Библиотекаря резво вскочил в седло. Двузубый последовал его примеру. Седой Ворон досадливо покачал головой. И то сказать, гоняться за скакунами ему уже было не по годам.

– Что ж, самое время идти навстречу Лешаге, – пробормотал он, закидывая за спину чехол с «винторезом».

Эргез ходил взад-вперед мимо шеренги замерших бойцов. Пятеро спасшихся бегством с заставы, охранявшей Утинное Горло – тайный путь через Срединный Хребет, выглядели хуже некуда. Даже те, что вовсе не пострадали в схватке. Вид у них был, словно их сутки держали под водой, а затем вытащили, наспех подсушили и притащили к нему на суд: выпученные глаза, открытые в немом ужасе рты.

– Что ж, рассказывайте, – процедил преемник Пророка, одаривая своих бойцов взглядом, не обещавшим, что они дотянут до завтрашнего рассвета. – Итак, – он вперил глаза в изувеченного командира разъезда, – ты говорил, что их было двое.

– Да, мой господин. Один из них знал тайные жесты Несокрушимых, второй, похоже, ни о чем таком и не догадывался. Я лишь хотел проверить, что у него в переметной суме, а тот, что из... – Десятник замешкался, подбирая слова, но, не отыскав подходящего, вздохнул: – Тот, из наших, как взвился!

Эргез кивнул.

– Это он сломал тебе руку?

– Да, мой повелитель, в одно движение.

– Это-то как раз понятно. – Ньок-тенгер скорее радовался действенности боевой подготовки своей гвардии, чем со-

жалел о ранах лесной стражи. – У этого неизвестного были какие-нибудь особые приметы?

– Да, да! – загомонили беглецы. – Острые клыки, выступающие из-под верхней губы.

– Двужубый?! – В голосе властителя правоверных звучало неподдельное удивление, почти растерянность. Он хорошо помнил этого горца, некогда служившего телохранителем отступника Атиля. Того можно было упрекнуть в излишней преданности своему подопечному, но заподозрить в измене? – Вы точно уверены, что этот... с клыками, знал тайные жесты?

– Все до единого, безукоризненно.

– А второй? Вы запомнили второго? – ища ключ к разгадке, требовательно спросил Эрgez.

– Высокий, крепкий, – без промедления ответил командир разезда, – очень ловко обращается с оружием. Вот его, – он указал на одного из подчиненных с повязкой на месте глаза, – он ткнул сюда пламегасителем автомата, а затем мушкой зацепил за затылок и опрокинул наземь в единый миг.

– Этот, с клыками, называл его Чингизом, – добавил один из спасшихся.

– Да-да, – поддержал другой, – кричал, что это сын Аттилы, и требовал преклонить колени.

Желваки на широких скулах Эрgeза прокатились, будто два каменных шара.

– Вы своими ушами слышали, – спросил он медленно и как-то слишком тихо, – что Двузубый называл спутника Чингизом, сыном Аттилы?

– Да, да! – загомонили беглецы. – Мы хотели задержать их, но огонь с неба поразил четверых, и еще одному этот Чингиз проломил череп у виска.

– Лучше б вы их все же поймали, – еще тише промолвил наследник Пророка, недовольно постукивая костяшками пальцев по столешнице. – Где ж теперь искать этих негодных?

– Забирая коней, этот, с клыками, говорил, что очень скоро они будут у вернейшего из слуг Пророка. Я полагаю, они идут сюда, мой повелитель.

– Нет. – Властитель правоверных неспешно покачал указательным пальцем у самого носа десятника. – Вот тут ты ошибаешься. – Он представил темнолицего горца, вспомнил его, валяющегося у ног со спиной, исполосованной плетью. – Не сюда они направляются, – медленно, делая ударение на каждом слоге, повторил Эрgez. – Они едут к Шерхану. – Ньок-тенгер повернулся к командиру Несокрушимых: – Арслан, этих казнить! Пусть всякий знает, что бегством с поля боя нельзя спасти жизнь. Каждому по двадцать плетей, затем рвать конями.

Глава 7

Лил в недоумении смотрела на разрисованный лист бумаги, защищенный от влаги чем-то странным, прозрачным, отдаленно похожим на стекло, но все же не стеклом. Все эти значки казались ей причудливым и совершенно бессмысленным рисунком. Она удивленно поглядела на Лешу, перевела взгляд на Асиму, затем глянула на спутников, замерших в нерешительности, отчего-то ждущих от нее если не прямых указаний, то объяснения, куда идти, как перебраться на ту сторону реки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.